

*15 попыток
до любви*

Анна Костарева

Анна Костарева

Пятнадцать попыток до любви

<https://litres.ru/73602051>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алисия - успешная начальница отдела рекламы. Вместе с Максимилианом, гениальным арт-директором и своей многолетней любовью, они основали агентство. Десять лет дружбы, десять лет надежды, что однажды он посмотрит на неё иначе.

Но он уезжает в Лондон. Навсегда.

В ту ночь она попадает в аварию и просыпается в будущем - через десять лет. Она замужем за Максимилианом. Большой дом, двое детей, идеальная картинка. Но внутри - пустота. Он всё так же смотрит сквозь неё. А Дэниса - её тихого друга, брата Максимилиана - нет рядом. Лишь коробка не открытых писем, в которых он признавался в любви.

Алисия получает шанс. Пятнадцать попыток вернуться в прошлое и всё исправить. Она пытается завоевать Максимилиана, но с каждой попыткой понимает: он не тот, кого она искала.

А тот, кто всегда был рядом, оказывается тем, ради кого стоит прожить жизнь заново.

Успеет ли она сделать правильный выбор?

«Пятнадцать попыток до любви» роман о том, как иногда нужно потерять всё, чтобы увидеть настоящее счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	69
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Костарева

Пятнадцать попыток до любви

Глава 1

ЛИСЁНОК

Алисия стояла перед зеркалом в лифте и поправляла воротник блузки. Белые волосы, длинные, ниже талии, были сегодня уложены в сложную причёску - она провела над ней полчаса, хотя знала, что он вряд ли заметит. Он вообще редко замечал детали. Она поправила серебряную брошь на лацкане жакета, одёрнула юбку-карандаш и глубоко вздохнула. - Лисёнок, ты сегодня светишься, - раздался голос из динамика интеркома. Она подняла глаза на камеру - на экране возникло улыбающееся лицо секретарши Лены. - Максимилиан уже в переговорной. Ждёт тебя. - Спасибо, - ответила Алисия, и сердце её пропустило удар. Она ненавидела себя за это. За этот трепет, который возникал всякий раз, когда она знала, что сейчас увидит его. Десять лет. Десять лет она шла по этому коридору, зная, что где-то там - он. Его смех, его голос, его улыбка, которая освещала всё вокруг. Десять лет она ждала, когда он наконец посмотрит на неё иначе. Не

как на партнёра. Не как на друга. Не как на «свою Алисию». А как на женщину. Лифт остановился на пятнадцатом этаже. Двери разъехались, и она шагнула в коридор, где уже кипела утренняя жизнь «МедиаСити» агентства, которое она и Максимилян основали десять лет назад. Тогда они были голодными студентами, которые верили, что смогут изменить мир рекламы. И у них получилось. Она прошла мимо открытых дверей креативного отдела - там уже шумели, смеялись, пили кофе. Максимилян был там, она чувствовала его присутствие спиной. Но не обернулась. Не сейчас. Сначала совещание. В переговорной её ждал стакан с зелёным смузи - любимый, с авокадо. Лена знала её привычки. Алисия сделала глоток, села за стол, раскрыла ноутбук. Через минуту дверь открылась, и он вошёл. Максимилян был белым котом, как и она, но в его белизне было что-то другое — холодное, сияющее, как снег на горных вершинах. Он был высок, атлетичен, с широкими плечами и идеальной осанкой, результат регулярных тренировок в спортзале, о которых он любил рассказывать, когда кто-то спрашивал. Сегодня на нём был тёмно-синий костюм, идеально скроенный, подчёркивающий фигуру. Белая рубашка, запонки из чёрного серебра, галстук, всё безупречно. От него пахло дорогим парфюмом, древесным, терпким, с нотками кожи и табака. Она знала этот запах наизусть. - Лисёнок! - он улыбнулся, и эта улыбка осветила комнату. - Ты сегодня прекрасна. Новая причёска? - Нет, - она опустила глаза, чтобы не выдать себя. - Та

же, что и всегда.- Я заметил, - он сел напротив, откинулся на спинку стула. - Просто сегодня она особенно красиво лежит. Она промолчала. Он всегда говорил такие вещи - легко, небрежно, не вкладывая в них смысла. А она ловила каждое слово, запоминала, прокручивала в голове ночами. Она знала, что для него она - друг, партнёр, «своя». Но не женщина. Никогда не женщина.- И так, - она взяла себя в лапы. - Что у нас по проекту «Авангард»? Клиент ждёт презентацию в пятницу.- Всё готово, - он щёлкнул пальцами, привлекая внимание воображаемой аудитории. - Я покажу в пятницу. Ты придёшь?- Обязательно, - она подняла глаза. - Я всегда прихожу на твои презентации.- Знаю, - он улыбнулся. - Ты всегда рядом. Эти слова прозвучали как приговор. Она всегда рядом. Но никогда - с ним. Собрание закончилось через час. Максимилиан вышел первым, его ждали в креативном отделе, где уже собралась вся женская половина коллектива, чтобы обсудить новый проект. Алисия видела это краем глаза, когда шла к себе: девушки окружили его плотным кольцом, кто-то поправлял волосы, кто-то смеялся над его шутками. Он был в своей стихии. В центре внимания. Всегда. Она зашла в свой кабинет и закрыла дверь. Села за стол, оставила в ноутбук, но не видела ни букв, ни цифр. Перед глазами стояла его улыбка. Его голос в ушах: «Ты всегда рядом». На столе стояла чашка с кофе - чёрный, без сахара, с корицей, как она любила. Рядом - маленькая записка на стикере, приклеенная к монитору. «Лисёнок, у тебя сегодня тя-

жёлтый день. Держись. Дэн». Она улыбнулась. Дэнис - младший брат Максимильяна. Второй брат, который называл её Лисёнком. Так повелось ещё с института, когда они все вместе сидели на лекциях, пили дешёвый кофе в студенческой столовой и строили планы на будущее. Тогда их было четверо - она, Максимильян, Дэнис и Белла. Но Белла на втором курсе попала в аварию, родители увезли её лечиться за границу, и в их компании осталось трое. А сдружились они на одной из студенческих тусовок, где два брата, приехавшие из маленького провинциального города, никого не знали, а она и Белла, столичные девчонки, взяли их под своё крыло. Дэнис был белым котом, как и она, как и его брат, но в его белизне было что-то другое, мягкое, тёплое, как свежесвыпавший снег, который ещё не успели истоптать. Он носил свободную одежду, джинсы, свитера, иногда рубашки навыпуск, без галстуков, без лишней вычурности. Он не любил быть в центре внимания. Он любил компьютеры. С детства, когда ещё другие мальчишки гоняли в футбол, он собирал и разбирал системные блоки, писал первые программы, читал форумы на иностранных языках. Он сделал это своей профессией, и стал одним из лучших айтишников в городе. Ему предлагали хорошие деньги, очень хорошие. И Макс, и Алисии тоже предлагали, переманить его в другие компании, в банки, в крупные холдинги. Но Дэнис всегда отказывался. Он выбрал их. Выбрал «МедиаСити». Они считали его третьим соучредителем. Неофициальным. Дэнис не любил

бумажную волокиту, не любил должности, не любил, когда его представляли как «партнёра» или «сооснователя». Всем он представлялся как «глава IT-отдела». Но Алисия знала: без него «МедиаСити» не существовало бы. Он создал всю инфраструктуру, защиту, серверы, систему, которая позволяла им работать быстрее конкурентов. Он помогал всегда, без лишних слов, без просьб. Просто делал. И она даже не догадывалась, почему. Для неё Дэнис был другом. Лучшим. Тем, кто всегда рядом, кто подставит плечо, кто никогда не подведёт. Она знала его десять лет и ни разу не задумалась, почему он до сих пор один. Почему он смотрит на неё так, как она смотрит на Максимильяна. Почему каждое утро на её столе появляется чашка кофе, хотя она никогда его об этом не просила. Почему он остаётся допоздна, когда она готовит презентацию. Почему он чинит её компьютер в пять утра, когда она случайно удалила важную папку. Почему он подвозит её домой, когда на улице дождь, и говорит: «Мне всё равно по пути». Она принимала это как должное. Потому что так всегда было. И потому что все её мысли были заняты другим. Она взяла чашку, сделала глоток. Кофе был горячим, идеальной крепости, с той самой корицей, которую любила она. Дэнис всегда помнил. Он помнил, как она пьёт кофе, какую музыку слушает, какую книгу ищет уже полгода и не может найти. Он помнил, что она не завтракает, и иногда оставлял на столе яблоко или банан. Он помнил всё. А она помнила только то, что касалось Максимильяна. Она взя-

ла стикер, повертела в лапах. Почерк у Дэниса был аккуратный, чуть наклонный, с длинными хвостиками у букв. Она знала этот почерк по институтским конспектам, которые он иногда давал ей переписать. Она знала его десять лет. Но не знала самого главного. Алисия отложила стикер, открыла ноутбук. На экране мигал календарь - напоминание о встрече с новым клиентом. Она вздохнула, взяла планшет, проверила презентацию. Всё было готово. Она была готова. Она всегда была готова. В дверь постучали. - Войдите, - сказала она, не поднимая головы. Дверь открылась, и в кабинет вошёл Дэнис. Он был в тёмно-синем свитере, который делал его глаза ещё светлее, и джинсах. Очки — те самые, в тонкой металлической оправе, которые вечно сползали - сидели на переносице чуть криво. От него пахло свежестью и морем - лёгкий, чистый запах, который всегда успокаивал. - Лисёнок, - он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то тёплое, родное. - Ты презентацию смотрела? - Смотрю, - она подняла глаза. - А ты что, уже проверил? - Проверил, - он подошёл к столу, заглянул в планшет через плечо. - На третьем слайде ошибка в цифрах. Я поправил. Она перелистнула. Действительно, цифры были исправлены - аккуратно, тонким почерком, в примечаниях. - Спасибо, - она улыбнулась. - Ты, как всегда, мой спаситель. Он поправил очки - этот жест она знала десять лет. Всегда, когда он волновался. Сейчас он волновался, хотя повода не было. - Да ладно, - он сел на стул напротив, положил на колени ноутбук. - Ты бы и сама замети-

ла.- Не заметила бы, - она покачала головой. - У меня голова другим занята.- Максимильтян? - спросил он, и в голосе его появилась едва уловимая нотка, которую она не распознала. Она отвела взгляд.- Не только. Клиент, презентация, бюджет... она перечислила, чувствуя, как щёки заливают румянец. Дэнис помолчал. Потом тихо сказал: Лисёнок, он тебя не достоин. Она подняла голову. В его глазах было что-то, чего она раньше не замечала. Или не хотела замечать.- Дэн, ты чего? спросила она.- Ничего, он улыбнулся, поправил очки. - Просто скажу, как есть. Ты заслуживаешь большего, чем быть рядом и ждать, когда тебя заметят.- Я не жду, - сказала она слишком быстро.- Ждёшь, - он поднялся. - Ты всегда ждёшь, Лисёнок. С института. Она хотела возразить, но не нашла слов. Он вышел, прикрыв за собой дверь. А она осталась сидеть, глядя на его пустой стул, и чувствуя, как что-то ёкнуло в груди.«Странный сегодня Дэн», - подумала она. - «Наверное, не выспался». Она вернулась к презентации, но мысли разбежались. Перед глазами стояло его лицо - серьёзное, чуть грустное, с вечно сползающими очками. Она думала о том, что он сказал: «Ты заслуживаешь большего». И вдруг поймала себя на мысли, что впервые за долгое время думает не о Максимильтяне. Вечером, когда офис опустел, Алисия осталась одна. Она сидела в своём кабинете, просматривала финальную версию презентации, когда дверь открылась. На пороге стоял Максимильтян. Она подняла глаза. Он был без пиджака, в одной белой рубашке с закатанными

ми рукавами, открывавшими сильные предплечья. Он был красив. Таким она его помнила всегда.- Ты чего не ушла? - спросил он, входя.- Презентацию доделываю, - она отложила планшет. - А ты?- Думал, - он сел на край её стола. - Мне нужно тебе кое-что сказать. Она замерла. Сердце её забилось быстрее. Она смотрела на него, на его красивое лицо, на его глаза, которые сейчас смотрели на неё с какой-то новой, незнакомой серьёзностью.- Что случилось? - спросила она. Он помолчал. Потом сказал:- Мне предложили Лондон. Креативный директор. Международное агентство. Она перестала дышать.- Я согласился, — сказал он. - Уезжаю через три дня. Она смотрела на него, и слова застревали в горле. Десять лет. Десять лет надежды, что однажды он увидит её. И вот финал. Она даже не успела сказать.- Ты... - голос её был чужим. Ты серьёзно?- Серьёзно, - он взял её за лапу. - Лисёнок, я хотел сказать раньше, но не знал как. Это шанс. Я не могу отказаться. Она смотрела на его лапу, сжимающую её. Она ждала этого прикосновения десять лет. И теперь, когда оно случилось, поняла: оно ничего не значит. Он прощается с другом. С партнёром. С «своей Алисией». Не с женщиной.- А агентство? - спросила она. - «МедиаСити»?- Остаётся тебе, - он сжал её лапу. Ты справишься. Ты всегда справлялась.- Всегда справлялась, - повторила она. Она улыбнулась. Улыбка вышла кривой.- Поздравляю, - сказала она. - Ты этого заслужил. Он обнял её. Она чувствовала тепло его рук, его запах, его дыхание. И понимала, что это , последний раз. Когда

он вышел, она долго сидела неподвижно, глядя на закрытую дверь. Потом встала, взяла сумку, выключила свет. В коридоре она столкнулась с Дэнисом. Он стоял у окна, смотрел на ночной город, и в его глазах было что-то, чего она раньше не видела. Или не хотела видеть. - Ты слышал? - спросила она. - Слышал, - он повернулся к ней. - Лисёнок, тебе нельзя за руль. - Я в порядке, - сказала она. - Ты не в порядке, - он подошёл ближе. - Позволь, я отвезу тебя. - Я сама, - отрезала она ледяным тоном, которым привыкла отшивать подчинённых. - Алисия, пожалуйста... - Я сказала - сама! Она вышла на улицу, не оборачиваясь. Не видела, как он остался стоять у окна. Не видела его взгляда, тоскливого, полного боли, которую он носил в себе десять лет. Не видела, как он поправил очки, как сжал лапы в кулаки, как прошептал одними губами: - Прости, Лисёнок. Я не уберёг. Она села в машину, завела двигатель. Выехала со стоянки, не глядя, нажала на газ. Она не видела фар встречной машины. Только свет. И темноту.

Глава 2

КУЛОН БАБУШКИ ТАМАРЫ.

Сознание возвращалось медленно, будто она всплывала из глубины тёмной, вязкой воды. Сначала звуки - монотонный писк, чьи-то приглушённые голоса, шорох простыней. Потом запахи - лекарства, антисептики, что-то стерильное и чужое. И только потом - боль. Тяжесть в теле, тупая пульсация в висках, ощущение, что её переехал поезд и почему-то не стал добивать. Алисия открыла глаза. Белый потолок. Белые стены. Белая простыня. Капельница, впившаяся в вену. Рядом - монитор, отслеживающий пульс. Больничная палата. Самая обычная, ничем не примечательная. И всё же что-то было не так. Что-то неуловимо другое. - Очнулась, голубушка, - медсестра, пожилая кошечка в накрахмаленном халате, склонилась над ней, проверила зрачки, поправила капельницу. - Хорошо, что очнулась. Третьи сутки пошли, мы уж начали волноваться. - Третьи... сутки? - голос Алисии был чужим, хриплым. - Что случилось? - Авария, - медсестра вздохнула. Вы на встречную выехали. Хорошо, что отделались сотрясением и парой ушибов. Вас, молодых, вечно носит не туда, куда надо. Авария. Выехала на встречную. Алисия поморгала, пытаясь собрать обрывки воспоминаний. Корпоратив. Шампанское. Максимилян говорит, что уезжает. Его руки на её плечах. Его улыбка. Его запах. Дэнис в коридо-

ре. Его голос: «Позволь, я отвезу тебя». И её собственный, ледяной: «Я сама». Всё остальное было пустотой. - Со мной всё в порядке? - спросила она. - Врачи сказали...- Врачи сказали, что вы везучая, - медсестра улыбнулась. - Через пару дней выпишут. А пока отдыхайте. К вам тут приходили, но я не пустила. Сказала, пусть поспит. - Кто приходил? - Молодой человек. В очках, такой тихий, вежливый. Спросил, как вы, передал пакет с вещами. Сказал, что будет ждать. Это ваш...? - Друг, - ответила Алисия, и слово показалось ей каким-то слишком простым для Дэниса. - Он просто друг. Медсестра хмыкнула, но ничего не сказала. Поправила одеяло и вышла, оставив Алисию одну. Алисия лежала, глядя в белый потолок, и пыталась осознать, что случилось. Максимильян уезжает. Через три дня. Она не успела сказать. Она ничего не успела. Десять лет надежды, десять лет ожидания, десять лет, когда она была рядом, но никогда - с ним. И теперь он уедет, а она останется здесь, в этом городе, в этом офисе, в этой жизни, где всё будет напоминать о том, чего у неё никогда не было. Она повернула голову и увидела на тумбочке пакет. Дэнис. Он принёс её вещи. Она потянулась, достала телефон - экран был разбит, но работал. Список сообщений: от Максимильяна - короткое, сухое «Поправляйся». От коллег - дежурные пожелания. От Дэниса - двадцать три сообщения. Первые - панические: «Где ты?», «Алисия, ответь», «Я видел аварию, я сразу приехал, тебя увезли, я не мог...». Потом - спокойные, вымученно-спокойные: «Лисё-

нок, не волнуйся, врачи говорят, всё будет хорошо». Потом - тихие, усталые: «Я жду. Я всегда буду ждать». Последнее сообщение было отправлено час назад: «Привёз твои вещи. Не пустили. Сказали, спишь. Спи, Лисёнок. Я рядом». Она отложила телефон, закрыла глаза. И вдруг почувствовала холод. Холод, который шёл не извне, а изнутри. Откуда-то из глубины груди, туда, где на тонкой цепочке висел кулон. Она коснулась его пальцами. Простой металл, чуть тёплый от тела. Бабушка Тамара. Алисия открыла глаза и посмотрела на кулон. Они познакомились на втором курсе. Тогда, в институте, была социальная программа - студенты помогали пожилым людям, которые жили одни. Алисия записалась не потому, что была альтруисткой. Просто нужно было закрыть часы, и это казалось самым простым вариантом. Ей дали адрес. Дом на окраине, панельная пятиэтажка, запах сырости и кошачьей мочи в подъезде. Квартира на третьем этаже, дверь обитая дерматином, с мутным глазком. Тамара Ивановна открыла не сразу. Алисия позвонила три раза, прежде чем за дверью послышалось шарканье, и на пороге появилась маленькая, сухая старушка в клетчатом халате, с острым взглядом выцветших глаз. - Ещё одна, - сказала она без приветствия. - Сколько вас можно присылать? Я не инвалид, чтобы за мной ухаживали. - Здравствуйте, - Алисия старалась говорить спокойно. - Меня зовут Алисия, я из университета, социальная программа... - Знаю я вашу программу, - старушка перебила, но дверь открыла шире. - Заходи, раз пришла. Только учти:

я чай с мятой не пью, печенье не ем и разговоры о погоде не веду. Если есть чем заняться по делу - занимайся. Если нет - иди, не трать моё время. Алисия вошла. Квартира была маленькой, но чистой. Всё на своих местах, ни пылинки. На стенах - фотографии в рамках: молодая женщина с мужчиной в военной форме, улыбающаяся девушка на фоне моря, старый кот, свернувшийся клубком на диване. - Это вы? - спросила Алисия, показывая на фотографию у моря. - Я, - старушка бросила взгляд, но в голосе не было тепла. - Давно, когда молодая была и глупая. - Вы красивая, - сказала Алисия. И это было правдой. На фотографии была совсем другая Тамара Ивановна - с длинными волосами, распущенными по плечам, с лёгкой, почти кокетливой улыбкой. Старушка посмотрела на неё внимательнее. - Льстишь, девушка? - спросила она. - Нет, - Алисия покачала головой. - Я просто сказала, что думаю. - Это ещё хуже, - буркнула Тамара Ивановна, но в уголках её губ что-то дрогнуло. То ли улыбка, то ли что-то другое. В тот день Алисия помыла окна. Три окна в маленькой квартире, которые, судя по всему, не мыли очень давно. Старушка сидела на кухне, пила чай - вопреки своим словам, с мятой, и смотрела, как Алисия возится с тряпкой. - Руки у тебя не из того места растут, - заметила она. - Знаю, - Алисия не обижалась. - Папа всё говорил, что я не хозяйственная. Но я учусь. - А мать? - спросила старушка. Алисия замерла на секунду, потом выдохнула: - Мама умерла. Я её почти не помню. Мне было пять. В квартире стало тихо. Тама-

ра Ивановна долго молчала, потом сказала:-Мне семьдесят три. Никого не осталось. Мужа схоронила, сына схоронила, кота схоронила. Одна теперь.- А вы? - Алисия обернулась. - У вас никого нет?- Никого, - старушка отставила чашку. - Так что, девушка, если ты пришла сюда из жалости, можешь уходить. Жалости я не терплю.- Я не из жалости, - Алисия выжала тряпку. - Я из любопытства. Вы - первый человек, который сказал мне, что у меня руки не из того места растут. Обычно все молчат, чтобы не обидеть.Старушка хмыкнула:- Глупые. Если молчать, так и останешься с руками не из того места.Алисия рассмеялась. Впервые за долгое время.Так началась их дружба. Алисия приходила два раза в неделю, потом три, потом почти каждый день. Она мыла окна, выбивала ковры, ходила в магазин, слушала бесконечные истории о том, как Тамара Ивановна в молодости работала инженером, как встретила мужа, как растила сына, как хоронила их обоих. Она слушала и чувствовала, что рядом есть кто-то мудрый, кто-то, кто видел жизнь, кто-то, кто может стать той самой старшей женщиной, которой у неё никогда не было.Дэнис пришёл с ней на третьей неделе. У него тоже были часы по соцпрограмме, и Алисия предложила пойти вместе. Она думала, что Тамара Ивановна прогонит его сразу. Старушка не любила мужчин - она говорила, что они «все одинаковые, только имена разные».Но Дэнис зашёл, поздоровался, огляделся и спросил:- У вас компьютер есть?- А на что он мне? - буркнула Тамара Ивановна. - Смотреть, как кнопки

мигают? - Я могу настроить, - сказал Дэнис. - Видеозвонки, например. С родственниками, если есть. - Нет у меня родственников, - старушка отвернулась. - Всех схоронила. - Тогда просто так, - Дэнис не отступал. - Чтобы смотреть фильмы. Или слушать музыку. Я покажу. Он принёс свой старый ноутбук на следующий день. Настроил, показал, как включать, как искать фильмы, как увеличивать шрифт, чтобы было видно. Тамара Ивановна смотрела на экран с подозрением, но Дэнис был терпелив. Он объяснял по десять раз одно и то же, не повышая голоса, не раздражаясь. А когда старушка наконец сама открыла старый чёрно-белый фильм и на экране появились танцующие пары, она вдруг сказала: - А ты, парень, хороший. Не то что другие. Дэнис поправил очки, смутился. - Спасибо, Тамара Ивановна. - Только вот, - старушка прищурилась, глядя на него поверх очков, - глаза у тебя не туда смотрят. Алисия в тот момент была на кухне, мыла посуду, и не слышала этих слов. Но Тамара Ивановна сказала их так, что Дэнис покраснел до кончиков ушей. - Я... я не понимаю, - пробормотал он. - Понимаешь, - старушка усмехнулась. - Ты на неё смотришь так, как смотрят на солнце. А она в это время на облака глазееет. Не туда, парень. Не туда. Дэнис молчал. Поправил очки. Потом тихо сказал: - Я знаю. - И что же ты будешь делать? - Ждать, - сказал он. - Я умею ждать. Тамара Ивановна покачала головой, но ничего не сказала. Она видела в жизни многое. И знала, что иногда ожидание - это единственное, что остаётся. Они дру-

жили много лет, пока Алисия училась в институте, пока защищала диплом, пока вместе с Максимильяном открывала агентство, пока строила свою взрослую жизнь. Тамара Ивановна была рядом. Она стала той самой старшей женщиной, которую Алисия искала всю жизнь. Мудрой, едкой, бескомпромиссной. Которая не жалела, но верила. - Ты, главное, не торопись, - говорила она. - Жизнь длинная. Всё успеешь. - Я боюсь не успеть, - однажды призналась Алисия. - Что не успеть? - старушка прищурилась. - Признаться этому своему красавчику? - А вы откуда знаете? - Я слепая, что ли? - фыркнула Тамара Ивановна. - Ты смотришь на него, как кошка на сметану. А он - как петух на зеркало. Сам себя любит, а тебя и не видит. - Он хочет уехать, - тихо сказала Алисия. - Ему предлагают работу в других городах. - А ты? - А что я? - Поедешь с ним, - старушка пожала плечами. - Скажи, что любишь. Чего бояться? - Боюсь, что он не ответит, - Алисия опустила глаза. - Что дружба разрушится. Что агентство развалится. Что я потеряю всё. Тамара Ивановна долго молчала. Потом сказала: - А ты знаешь, кто на тебя смотрит так, как ты на него? - Кто? - Брат его. Дэнис. Алисия замерла. - Дэни? - она растерянно заморгала. - Нет, вы что. Мы друзья. Он... он просто помогает. Он всегда помогает. - Девушка, - старушка вздохнула с такой тяжёлой усталостью, будто Алисия была самой безнадёжной её ученицей, - ты когда-нибудь научишься видеть? - Я вижу, - Алисия обиделась. - Дэни - мой друг. Самый близкий. Он всегда рядом. Но это не... - Не то? - Та-

мара Ивановна усмехнулась. - А ты знаешь, почему он всегда рядом? Почему он пришёл работать в ваше агентство, когда ему предлагали в три раза больше? Почему он покупает тебе кофе каждое утро и чинит твой компьютер в пять утра? Почему он смотрит на тебя так, будто ты - единственное солнце на небе? Алисия молчала. - Потому что он любит тебя, - сказала старушка. - Любит с того самого дня, как увидел. А ты смотришь на облака. Она встала, подошла к комоду, открыла ящик. - Я хочу тебе кое-что дать, - сказала она, доставая маленькую шкатулку. - На случай, если меня не станет. - Что вы говорите, - Алисия встревожилась. - Вы ещё сто лет проживёте. - Не проживу, - Тамара Ивановна покачала головой. - Я старая, девушка. И устала. Но тебе я хочу оставить вот это. Она открыла шкатулку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал кулон - простой, на первый взгляд ничем не примечательный. Тёмный металл, чуть шероховатый, с выгравированным узором, который Алисия не могла разобрать. - Это старинная вещь, - сказала Тамара Ивановна. - Моя бабушка передала. Сказала, что в трудную минуту поможет. Я всю жизнь носила, не снимая. Ни разу не пригодилось. Может, тебе повезёт. - Тамара Ивановна... - Возьми, - старушка протянула кулон. - И запомни, девушка. В жизни бывает так, что ты смотришь на одну дорогу, а надо идти по другой. Не бойся свернуть. Не бойся ошибиться. Бойся не попробовать. Алисия взяла кулон. Надела на шею. Металл был тёплым, будто хранил тепло рук, которые носили его до неё. - Спасибо, -

сказала она. - Я сохранию. Тамара Ивановна кивнула и закрыла шкатулку. - Сохрани, - сказала она. - И помни: иногда самое трудное - не признаться в любви. Самое трудное - увидеть, кто любит тебя на самом деле. Тамара Ивановна умерла через месяц. Тихо, во сне, как и хотела. Алисия была на похоронах. Стояла у могилы, сжимая в лапе кулон, и плакала. Плакала о том, что потеряла человека, который стал ей почти бабушкой. Плакала о том, что не успела сказать ей самое главное. Плакала о том, что так и не научилась видеть. Дэнис стоял рядом. Молчал. Просто держал её за руку. - Она любила тебя, - сказал он, когда они уже выходили с кладбища. - Очень. Она мне всё время говорила: «Ты присмотри за Лисёнком. Она хоть и умная, а в любовных делах дура». - И ты присматривал? - спросила Алисия, не глядя на него. - Присматривал, - тихо ответил он. - Всегда. Она не поняла тогда. Не поняла, что значило это «всегда». Не поняла, почему его голос дрожал. Не поняла, почему он сжал её руку чуть крепче, чем нужно. Не поняла, потому что не хотела понимать. Потому что всё её внимание было занято другим. Тем, кто смотрел на облака. Она носила кулон не снимая. Простой, ничем не примечательный. Он был всегда с ней - на шее, под одеждой, у самого сердца. Она не знала, зачем. Просто чувствовала, что это важно. Что когда-нибудь он поможет. Как обещала Тамара Ивановна. В больнице, лёжа под капельницей, Алисия сжимала кулон в ладони и думала о тех словах. «В трудную минуту поможет». Что ж, трудная минута

насталла. Максимильян уезжает. Десять лет надежды рухнули в один вечер. Она разбила машину. Она чуть не умерла. И теперь лежит здесь, в белой палате, и не знает, что делать дальше.- Помоги, - прошептала она, глядя на кулон. - Пожалуйста. Помоги.Кулон был холодным. Она сжала его крепче. Вспомнила бабушку Тамару. Её голос, её слова: «Не бойся свернуть. Не бойся ошибиться. Бойся не попробовать».- Я боюсь, - сказала она вслух. - Я так боюсь.Комната поплыла. Сначала медленно, потом быстрее. Белые стены закружились, смешались с серым потолком, превратились в свет. Яркий, ослепительный свет, от которого невозможно было открыть глаза. Алисия зажмурилась, чувствуя, как тело становится лёгким, как воздух наполняется чем-то густым, тягучим, как мёд.- Не бойся, Лисёнок,- услышала она голос. Старый, немного скрипучий, но такой родной.- Тамара Ивановна? - прошептала она.- Я здесь, - голос был рядом, но не было видно лица. - Слушай меня, времени мало.- Что происходит?- Ты получила шанс, - сказала бабушка Тамара. - Один шанс. Пятнадцать попыток.- Пятнадцать? - Алисия не понимала. - Пятнадцать чего?- Ты будешь возвращаться в прошлое, - голос стал строже. - В самые важные моменты. И ты сможешь их изменить.- Изменить? - сердце её забилось быстрее. - Я смогу вернуть Максимильяна?Тамара Ивановна помолчала. Потом сказала:-Ты сможешь изменить только любовную линию. Твою линию. Ничего больше.- А если я захочу помочь кому-то? спросила Алисия. - Если увижу, что

кому-то плохо, и смогу...-Нельзя, - голос был твёрдым. - Ты не можешь менять то, что не касается твоей любви. Не можешь спасать, если раньше не спасала. Не можешь помогать, если раньше не помогала. Только свою любовь. Только её.- Но почему?- Потому что так устроен этот мир, - бабушка Тамара вздохнула. - Ты получила шанс, но с условием. И если ты ошибёшься... если сделаешь что-то, что нельзя...- Что тогда?- Тогда в момент аварии ты умрёшь, - голос стал тихим, почти шёпотом. - Не очнёшься. Никогда. Алисия похолодела.-На кону моя жизнь, - сказала она.- На кону твоя жизнь, - подтвердила Тамара Ивановна. - Поэтому смотри внимательно. И помни: никто не должен знать, что ты из будущего. Никто. Если кто-то узнает - ты умрёшь. Это главное правило.-Я поняла, - Алисия сглотнула. - Пятнадцать попыток. Только любовь. Никому не говорить.- И ещё, - голос стал мягче. - Ты увидишь будущее. Не пугайся. Это только один вариант. Ты сможешь его изменить.- Будущее? - Алисия не поняла. - Какое будущее?- То, которое случится, если ты ничего не изменишь, - сказала бабушка Тамара. - Ты должна его увидеть. Чтобы знать, что исправлять. Свет стал ярче, голос - дальше.- Запомни правила, Лисёнок, - сказала она в последний раз. - И не бойся. Я с тобой.- Тамара Ивановна! - закричала Алисия. - Не уходите! Я не готова! Но свет унёс её. Унёс туда, где не было ни больничной палаты, ни капельницы, ни белого потолка. Унёс в другое время. В другое место. Алисия открыла глаза. Она сидела за большим столом. Вокруг - боль-

шая комната, светлая, просторная. Окна во всю стену выходят на ухоженный сад, где подстриженные кусты и идеальный газон. Дорогая мебель, картины на стенах, хрустальная люстра. Всё слишком дорогое, слишком правильное, слишком чужое. За столом - трое. Два мальчика. Один лет восьми, другой помладше, лет пяти. Оба белые, как она, как он. Оба с его глазами. И он. Максимильтян. Сидит во главе стола, в безупречной белой рубашке, с планшетом в руках. Он что-то читает, нахмурившись, не поднимая глаз. На столе - завтрак: тосты, джем, свежавыжатый сок. Почти нетронутый. Папа, - старший мальчик тянет руку, чтобы взять тост. - Папа, а можно мы сегодня пойдём в парк? - Ммм, - Максимильтян не поднимает головы. Палец скользит по экрану. - Папа, - младший ёрзает на стуле. - Ты обещал. Ты обещал, что в выходные мы пойдём в парк. - В выходные, - рассеянно повторяет Максимильтян. - Да, конечно. - Сегодня выходные, - тихо говорит старший. Максимильтян поднимает глаза. Смотрит на сына, потом на телефон, который зажужжал новым сообщением. Улыбается экрану. - Да, выходные, - говорит он, но пальцы уже набирают ответ. Младший толкает старшего, шепчет что-то. Оба смотрят на отца. Ждут. Он не замечает. Он никогда не замечает. Алисия смотрит на эту картину, и внутри у неё всё холодеет. Она узнаёт себя. Не в детях — в себе. Она смотрит на Максимильтяна, на его улыбку, обращённую к экрану, на его рассеянное «mmm», на то, как он не видит ни детей, ни еды, ни её. Она смотрит и понимает:

это её жизнь. Это её будущее. Она вышла за него. Она добилась того, чего хотела. И теперь сидит здесь, за этим идеальным столом, в этом идеальном доме, с этим идеальным мужчиной, который смотрит сквозь неё, как всегда. - Мама, - старший мальчик поворачивается к ней. - Мама, ты обещала, что мы пойдём в парк. Ты обещала. Алисия смотрит на него. На его глаза - такие знакомые, такие родные. На его лицо - ещё детское, но уже с чертами, которые она знает наизусть. И вдруг понимает, что это её сын. Её. И она не знает, как его зовут. - Мама? - повторяет он, и в голосе появляется тревога. - Да, - она берёт себя в руки. - Да, конечно, мы пойдём. Я обещала. Максимилиан поднимает глаза. Смотрит на неё мельком, как смотрят на предмет мебели, который стоит на том же месте уже много лет. - Ты сегодня какая-то странная, - замечает он. - Голова болит? - Голова, - отвечает она. - Немного. Он кивает, возвращается к планшету. Разговор закончен. Он не спросил, почему она странная. Не спросил, что случилось. Не спросил, нужна ли помощь. Он просто кивнул и ушёл в свой экран. Алисия встаёт. - Я сейчас, - говорит она. - Мне нужно... мне нужно в уборную. Она выходит из столовой, проходит по коридору. Дом большой, красивый, чужой. Она не знает, где здесь ванная. Она не знает, где спальня. Она не знает имён собственных детей. Она не знает ничего. Она находит дверь наугад, заходит, закрывается. Смотрит в зеркало. На неё смотрит женщина лет сорока. Морщинки у глаз, волосы короче, взгляд усталый. Всё так же

белая, стройная, но в глазах - пустота. Пустота, которая копилась годами. Она бьёт себя по щекам. Раз. Два. Три.- Это не может быть правдой, - говорит она своему отражению. - Это не может быть правдой. Я сплю. Я всё ещё в больнице. Это кома. Это бред. Она хватается за край раковины, сжимает пальцы. Металл холодный, настоящий. Слишком настоящий. Она достаёт телефон из кармана. Экран загорается. Дата. Она смотрит на дату и не верит своим глазам. Десять лет. Десять лет с того дня, как она разбила машину. Десять лет, в которые она была замужем за Максимилианом. Десять лет, в которые у неё было всё, о чём она мечтала. И ничего, что было нужно на самом деле. Она смотрит на своё отражение в зеркале. На женщину, которая потеряла себя. Которая стала просто «женой Максимилиана». Которая даже не знает имён собственных детей.- Что я наделала? - шепчет она. Зеркало молчит. Только её собственные глаза смотрят на неё - чужие, усталые, полные слёз. Внизу, в столовой, дети ждут, когда она вернётся. Максимилиан читает планшет. А она стоит здесь, в чужом доме, в чужой жизни, и понимает, что это - то будущее, которое она выбрала. И оно хуже, чем любая авария. Она сжимает кулон на груди. Простой металл, чуть тёплый от тела. Бабушка Тамара. Она говорила, что будет шанс. Пятнадцать попыток. И она должна их использовать. Должна всё исправить. Пока не поздно. Пока она ещё может вернуться.- Я всё исправлю, - шепчет она. Я всё исправлю. Я обещаю.

Глава 3

ДЕНЬ В ПАРКЕ

-Я всё исправлю, -прошептала Алисия, глядя на своё отражение в зеркале. -Я обещаю. Она сжала кулон на груди, чувствуя, как металл нагревается от тепла её ладони. Бабушка Тамара дала ей шанс. Пятнадцать попыток. Она должна их использовать. Должна вернуться назад и всё изменить. Но сначала - понять, что именно она хочет изменить. Увидеть это будущее. Прочувствовать его. Запомнить каждую деталь, чтобы никогда больше не совершить ту же ошибку. Она обернулась на дверь. Ноги подкосились, и она медленно сползла по косяку вниз, на холодный кафельный пол. Прижалась спиной к деревянной панели, закрыла лицо лапами и позволила себе то, что копилось внутри всё это время. Слезы. Тихие, горькие, беззвучные. Она плакала о себе - той, которая десять лет ждала, надеялась, верила. О той, которая добилась своего и теперь сидит в чужом доме, в чужой жизни, с чужими детьми, которых даже не может назвать по имени. О той, которая стала просто «женой Максимильяна» - приложением к его успеху, мебелью в его идеальном доме. Она плакала недолго. Минуту, может, две. Потом вытерла глаза, поднялась, подошла к раковине. Открыла холодную воду, набрала в ладони, умылась. Вода была ледяной, обжигала кожу, приводила в чувства. Она посмотрела в зеркало ещё раз.

Женщина, которая смотрела на неё, была заплаканной, но в глазах уже появилась решимость. - Ты справишься, - сказала она себе. - Ты всегда справлялась. Она выпрямилась, поправила волосы, одёрнула блузку. Вдохнула глубоко, выдохнула. И открыла дверь. Она вернулась в столовую. Мальчики сидели на своих местах, почти не притронувшись к еде. Максимилян всё так же смотрел в планшет, пальцы быстро бежали по экрану. - Мама, - старший поднял на неё глаза. - Ты долго. Мы опоздаем в парк. - Не опоздаем, - она села на своё место, взяла тост, хотя есть совсем не хотелось. - Мы обязательно пойдём. Я обещала. Младший заёрзал на стуле: - А папа с нами? Максимилян поднял голову, посмотрел на сына, потом на неё. - Я с вами, - сказал он, и в голосе его прозвучала лёгкая усталость, как у человека, который соглашается на неизбежное. - Но мне нужно будет отвечать на звонки. Дела, вы понимаете. Старший опустил глаза. Младший надул губы. Алисия смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она не знала этих детей. Не знала, что они любят, чего боятся, о чём мечтают. Она не знала даже их имён.

- Как вас зовут? - чуть не сорвалось с языка, но она вовремя прикусила язык. Нельзя. Никто не должен знать, что она из будущего. Никто.

Она взяла телефон, который лежал на столе. Разблокировала - код был тот же, что и десять лет назад. Её день рождения. Она быстро пролистала фотографии. В галерее было много снимков - дом, сад, отпуск на море, дети. Дети. Она

листалла, всматривалась в лица, искала подписи, комментарии, что угодно, что могло бы дать ей имена.

На одной из фотографий -мальчишки обнимаются на фоне ёлки, в руках у них коробки с подарками. На коробках - наклейки. «Тиму». «Сэму». Тим и Сэм. Старший - Тим, младший - Сэм. Она закрыла телефон, положила на место. Вдохнула.

- Тим, -позвала она, проверяя, угадала ли. - Сэм, идите сюда, мы сейчас поедem.

Старший - Тим - поднял голову, улыбнулся. Младший - Сэм - спрыгнул со стула и подбежал к ней, обхватил за талию. Она обняла его, погладила по голове. Волосы мягкие, тёплые, пахнут детским шампунем. Её сын. Её. Она родила его, растила, целовала перед сном. И ничего этого не помнила. Потому что это случилось не с ней. С другой Алисией. С той, которая сделала этот выбор.

- Ты чего, мама? - спросил Сэм, поднимая голову. - Ты плакала?

- Нет, - она улыбнулась. -Просто соринка в глаз попала.

- Я подую, -Сэм вытянул губы трубочкой, дунул ей в лицо.

Она рассмеялась, прижала его к себе.

- Спасибо, малыш. Помогло.

Тим подошёл, встал рядом, чуть поодаль, уже такой взрослый, серьёзный. Она протянула руку, погладила его по плечу.

- Собирайтесь, - сказала она. - Едем.

Водитель ждал у подъезда. Чёрный автомобиль, тонированные стёкла, кожаный салон. Максимильтян сел на переднее сиденье, сразу достал планшет. Дети устроились сзади, Алисия между ними.

- Мама, ты сегодня с нами? - спросил Тим.

- А разве я не всегда с вами? - она взяла его за руку.

- Ты всегда с нами, - сказал Сэм, забираясь к ней на колени. - Но папа редко. Он всё время работает.

- Папа работает, потому что заботится о нас, - сказала она, но слова вышли какими-то пустыми, правильными, неживыми.

- Он обещал, что в выходные мы пойдём в парк, - Тим смотрел на затылок отца. - Он обещал две недели назад. И три. И месяц.

Алисия посмотрела на Максимильтяна. Он сидел, уткнувшись в планшет, и не оборачивался. Она хотела сказать что-то, но не знала, что. Она не знала их жизни, их правил, их обид. Она была здесь чужой.

Парк был большим, зелёным, полным детей и родителей. Алисия вышла из машины, взяла Сэма за руку, Тим шёл рядом. Максимильтян вышел следом, держа телефон у уха, что-то говорил на английском, быстрым, деловым тоном. Он шёл чуть позади, не отрываясь от разговора, и даже не смотрел, куда идёт.

- Папа, смотри! - Сэм показал на карусель. - Ты обещал!

Максимильтян поднял руку, прикрывая микрофон, кив-

нул, но ничего не сказал. Продолжал говорить.

Сэм надулся. Тим сжал губы. Алисия присела перед младшим, заглянула в глаза:

- Мы с тобой пойдём. Хочешь, я с тобой?

- Ты всегда со мной, - Сэм вздохнул по-взрослому. - Я хочу с папой.

- Он сейчас закончит, - она погладила его по щеке. - Папа очень занят, но он любит тебя. Очень.

Сэм посмотрел на неё недоверчиво, но кивнул.

Они купили билеты. Алисия взяла Сэма на руки, посадила на лошадку карусели, сама села рядом. Тим выбрал машинку. Карусель закружилась, заиграла музыка, Сэм засмеялся, и на секунду Алисия забыла, где она, забыла, что всё это - не её жизнь. Она просто сидела рядом с ребёнком, который смеялся, и чувствовала, как тепло разливается в груди.

Когда карусель остановилась, Сэм не хотел слезать.

- Ещё! - кричал он. - Ещё!

- Давай потом, - она сняла его, поставила на землю. - Посмотрим, что ещё есть.

Максимильян стоял в стороне, говорил по телефону. Он не видел, как Сэм смеялся. Не видел, как Тим выиграл в тире мягкую игрушку. Не видел, как Алисия смотрела на детей и пыталась запомнить каждую деталь - как Сэм щурится на солнце, как Тим поправляет волосы, как они переглядываются, когда думают, что она не смотрит.

Он подошёл только через час, когда они уже собирались

идти к фонтану.

- Извините, - сказал он, убирая телефон. - Рабочий момент. Всё в порядке?

- В порядке, - ответила Алисия. - Мы отлично провели время.

Он кивнул, достал бумажник, отсчитал несколько купюр, протянул ей:

- Возьми. На аттракционы, мороженое, что захотите. Если что - звони.

Она взяла деньги, чувствуя, как внутри поднимается что-то горькое, противное. Он платил. Он всегда платил. За билеты, за игрушки, за её молчание, за то, что она не требует большего. Он платил и считал, что этого достаточно.

-Максимильян, - сказала она, не узнавая свой голос. - Посмотри на них.

- На кого? - он поднял глаза.

- На сыновей, - она кивнула в сторону Тима и Сэма, которые играли у фонтана. - Они ждали этого дня. Они ждали тебя.

- Я здесь, - он нахмурился. -Я с вами.

- Ты с телефоном, - она сказала это тихо, почти шёпотом.

- Ты всегда с телефоном.

Он посмотрел на неё странно, как будто видел в первый раз. Потом улыбнулся - той самой улыбкой, от которой у неё когда-то замирало сердце.

-Лисёнок, ты сегодня какая-то странная, - сказал он. -

Устала? Может, тебе отдохнуть?

- Я не устала, - она покачала головой.

- Тогда что?

Она не знала, что ответить. Не могла сказать правду. Не могла сказать, что видела будущее, в котором он стал холодным, чужим, потерянным для неё и для детей. Не могла сказать, что уже десять лет ждала его внимания, а теперь, получив, поняла, что оно ничего не стоит.

- Ничего, - она улыбнулась. - Просто хочу, чтобы ты побыл с ними. Немного.

Он взял её за руку, сжал.

- Я с вами, - повторил он. - Я здесь.

Она хотела верить. Хотела верить, что он действительно здесь. Что он видит их. Что он когда-нибудь увидит.

- Иди к ним, - сказала она. - Я посмотрю.

Он подошёл к фонтану. Сэм увидел его, бросился навстречу. Максимильтян подхватил сына, закружил, и Сэм засмеялся - тем самым смехом, от которого у Алисии сжималось сердце. Тим стоял в стороне, смотрел. Он не бросился к отцу. Он уже знал, что папа уйдёт. Что папа всегда уходит.

Алисия подошла к нему, обняла за плечи.

- Он старается, - сказала она.

- Недостаточно, - ответил Тим, и в его голосе было столько взрослой горечи, что Алисия не нашла, что сказать.

Они гуляли ещё два часа. Максимильтян отключил телефон - она попросила, и он уступил, удивлённый, но согласив-

шийся. Они катались на лодке, ели мороженое, фотографировались у фонтана. Алисия смотрела на них - на мужа, который старался, на детей, которые смеялись, - и чувствовала, что это неправильно. Неправильно, что она здесь. Неправильно, что она не помнит их жизни. Неправильно, что она чужая в собственном доме.

Но она старалась. Она обнимала Максимильяна, когда он стоял рядом, чувствовала тепло его тела, его запах - тот самый, который она помнила десять лет. И наслаждалась этим моментом, зная, что он скоро закончится.

- Ты чего? - спросил он, когда она прижалась к нему, обхватив за талию. - Лисёнок, ты сегодня какая-то...

-Какая? -она подняла голову.

Нежная, - он улыбнулся. - Непривычно.

- А разве я не нежная? - она заглянула ему в глаза.

-Ты сильная, - он поправил прядь волос, упавшую на лицо.

- Всегда была сильной. А сейчас...

-А сейчас что?

- Сейчас ты как будто... - он задумался, подбирая слова. -

Как будто прощаешься.

Она вздрогнула. Отстранилась.

-Что за глупости, - сказала она, стараясь говорить спокойно. - Я просто хочу, чтобы ты был рядом.

Он ничего не ответил, только посмотрел на неё долгим, странным взглядом. Потом поцеловал в лоб. Лёгкое, почти невесомое касание губ. Как будто она была ребёнком. Как

будто она была покойником.

- Устала, наверное, - сказал он. - Ты много на себя берёшь. Если плохо себя чувствуешь, запишись к врачу. Вот, - он достал из кармана пластиковую карту, протянул ей. - На всякий случай. Не экономь.

Она взяла карту, сжала в ладони.

-А ты? - спросила она.

-У меня встреча, - он посмотрел на часы. -Через час. Я ненадолго.

-Ты обещал, - сказала она тихо.

- Я вернусь, - он поцеловал её в лоб ещё раз. - Вы развлекайтесь. Я позвоню.

Он подошёл к детям. Сэм сидел на скамейке, листал книжку, Тим кормил голубей.

-Мне нужно уехать, - сказал Максимильтян. - Ненадолго.

- Ты обещал! - Сэм подскочил, книжка упала на землю. - Ты обещал, что сегодня будешь с нами! Ты обещал!

- Сэм, - Максимильтян поднял руку, пытаясь успокоить сына, но тот не слушал.

-Ты всегда обещаешь! -Сэм кричал, и голос его срывался.

-Ты всегда уходишь! Я тебя ненавижу!

Он развернулся и побежал. Побежал вглубь парка, не оглядываясь, маленький, растерянный, злой. Тим смотрел ему вслед, потом перевёл взгляд на отца. В его глазах не было злости. Была только усталость.

- Иди, - сказал он. -Мы привыкли.

Максимильян стоял, растерянный, и не знал, что делать. Он посмотрел на Алисию - она стояла в стороне, сжав в ладони карту, и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Она не так представляла свою жизнь. Не так. Десять лет она ждала этого человека. Десять лет строила воздушные замки, в которых они были счастливы. А теперь стояла здесь, смотрела, как её муж уходит, как её сын плачет, и понимала, что счастья нет. Есть только поцелуй в лоб. Как покойнику. Как вещь, которую ставят на место, чтобы не мешалась.

- Фу, ужас, - прошептала она, вытирая лоб.

Максимильян ушёл. Быстро, не оглядываясь, уже набирая номер телефона. Сэм убежал, и Алисия побежала за ним, нашла на лавочке у пруда, заплаканного, злого, несчастного. Села рядом, обняла.

- Он ушёл, - прошептал Сэм. - Он всегда уходит.

- Я знаю, - она прижала его к себе. - Но я здесь. Я никуда не уйду.

Они сидели так долго. Тим подошёл, встал рядом, молчал. Алисия смотрела на двух своих сыновей - до ужаса расстроенных, до ужаса знакомых и чужих одновременно - и не знала, что делать. Одно дело - растить их с самого детства, знать каждую привычку, каждый страх, каждую мечту. Другое - познакомиться сегодня, когда они уже выросли, уже научились скрывать боль, уже привыкли, что отец уходит.

Она подбежала к ним, обняла сразу обоих, прижала к себе так сильно, как только могла.

- Давайте устроим гонки, - сказала она. - До того дерева и обратно. Кто победит - тот выбирает следующий аттракцион.

Сэм поднял голову, вытер слёзы:

- А ты с нами?

А как же, - она улыбнулась. - Я быстрее вас.

- Не быстрее! - Сэм уже смеялся. - Я быстрее!

- А вот и нет, - сказал Тим, и в его голосе наконец появился живой, детский азарт.

Они побежали. Алисия бежала с ними, смеялась, чувствуя, как ветер треплет волосы, как солнце греет лицо, как дети кричат наперебой: «Я первый!», «Нет, я!». Она отставала нарочно, давая им выиграть, и никто не знал, что она плачет. Плачет от того, что этот день — подарок, который она никогда не получит, если всё исправит. Плачет от того, что этот день - единственный, который у неё есть. Плачет от того, что любит этих детей, которых не знает.

Она остановилась на секунду, повернулась, посмотрела вслед уходящему Максимилиану. Его фигура уже скрылась за деревьями, только белая рубашка мелькнула в последний раз. И всё. Он ушёл. Как всегда.

Она вытерла глаза начала догонять сыновей.

Они провели в парке весь день. Катались на всех аттракционах, ели сахарную вату, пускали мыльные пузыри. Алисия забыла, сколько ей лет, забыла, что она не помнит их жизни, забыла, что это не её настоящее. Она просто была с ними. С Тимом, который оказался серьёзным и ответственным.

ным, как отец, но в нём было что-то ещё - какая-то мягкость, которой у Максимильяна не было. С Сэмом, который был взрывным, эмоциональным, ранимым - таким, каким она, наверное, была сама в детстве.

К вечеру они проголодались. Алисия предложила поехать в кафе, но Тим сказал, что они не едят фастфуд, мама говорит, что это вредно.

- А я говорю, что иногда можно, - улыбнулась Алисия. - Сегодня - можно.

Она заказала гамбургеры, картошку фри, пиццу и огромный стакан колы. Сэм смотрел на еду круглыми глазами.

- А мама разрешит? -спросил он.

- Я - мама, - сказала Алисия. - Разрешаю.

Они ели, смеялись, рассказывали друг другу глупые истории. Тим показал ей фотографию котёнка, которого они хотели взять, но «папа сказал, что шерсть будет летать». Сэм рассказал, что хочет стать футболистом, когда вырастет, но Тим сказал, что лучше программистом, потому что «программисты много зарабатывают». Алисия слушала и запоминала. Запоминала каждое слово, каждую улыбку, каждую деталь.

После кафе они поехали в кино. Смотрели мультфильм, который Сэм выбрал, и Алисия смеялась над шутками, которые не понимала, потому что не знала первой части. Но дети были счастливы, и это было главное.

Когда они вернулись домой, Сэм уже спал на заднем си-

денье, прижавшись к Тиму. Тим смотрел в окно, на ночной город, и молчал.

- Ты как? - спросила Алисия.

- Хорошо, - ответил он. - Спасибо. Ты сегодня... ты была другой.

- Другой?

- Добрее, - он повернулся к ней. - И весёлая. Как раньше.

Она хотела спросить, что значит «как раньше», но не решилась. Не хотела разрушать этот момент.

Дома она помогла умыть Сэма, переодеть в пижаму. Тим сам справился, сказал, что он уже большой. Она поцеловала их обоих в щёки, пожелала спокойной ночи. Сэм обнял её, прижался, и она стояла, чувствуя его дыхание, его тепло, его доверие.

- Мама, - прошептал он. - Ты сегодня самая лучшая.

- А завтра? - спросила она.

- Завтра тоже, - он зевнул. - Ты всегда самая лучшая.

Она выключила свет, закрыла дверь. Стояла в коридоре, прижавшись спиной к стене, и чувствовала, как слёзы снова подступают к горлу. Она не знала, увидит ли их ещё. Не знала, сможет ли когда-нибудь стать для них такой мамой. Не знала, что будет дальше. Но этот день она запомнит. Навсегда.

Максимильяна не было. Алисия прошла по дому, заглянула в кабинет - пусто, в спальню - пусто. Он сказал, что вернётся, но не вернулся. Она не удивилась. Не расстроилась.

Она уже поняла, что в этой жизни он не возвращается. Он обещает, но не возвращается.

Она зашла в гардеробную. Огромная комната, заставленная одеждой, обувью, аксессуарами. Её вещи - дорогие, красивые, чужие. Она провела пальцами по шёлковым блузкам, по кашемировым пальто, по сумочкам, которые стоят больше, чем её первая машина. Всё это было не её. Не её стиль, не её вкус, не её жизнь.

Она открыла ящик комода. Нижнее бельё, аккуратно сложенное. Закрыла. Открыла следующий - шарфы, платки. В третьем - коробки. Маленькие, бархатные, с украшениями. Она перебирала их, искала что-то, сама не зная что.

Коробочка была в самом дальнем углу. Простая, деревянная, с потёртой крышкой. Не такая, как другие. Не новая, не дорогая. Старая, почти забытая. Алисия взяла её, почувствовала знакомую тяжесть в ладонях. Открыла.

Внутри были письма. Стопка, перевязанная бежевой ленточкой. Она развязала узел, взяла первое. Почерк - аккуратный, чуть наклонный, с длинными хвостиками у букв. Она узнала его сразу. Дэнис.

«Лисёнок, я знаю, что ты никогда не прочитаешь это письмо. Ты слишком занята. Слишком далеко. Слишком... Но я всё равно напишу. Потому что если не напишу, то сойду с ума. Я люблю тебя. С первого дня. И буду любить всегда. Твой Дэн».

Она опустилась на пол, прижимая письмо к груди. Вода

в ванной набиралась, шумела, но она не слышала. Она смотрела на эти строки и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Как рушатся все её представления о том, что было важно. Как на их месте вырастает что-то новое, огромное, пугающее.

Она взяла второе письмо. Третье. Четвёртое. Они были все разные, но в каждом было одно и то же: его любовь. Кроткая, терпеливая, незаметная. Любовь, которая ждала десять лет. Любовь, которую она никогда не замечала.

В самом низу коробки лежало последнее письмо. Оно было написано на дорогой бумаге, аккуратно сложено, но уголки помяты, как будто его перечитывали много раз.

«Алисия, я знаю, что ты никогда не посмотришь на меня так, как смотришь на него. Но я хотя бы хочу, чтобы ты была счастлива. Даже если не со мной. Я уезжаю. Не ищи меня. Прощай. Дэн».

Алисия сидела на полу гардеробной, сжимая письмо в лапах, и плакала. Плакала так, как не плакала много лет. О том, как была слепа. О том, как предала того, кто был рядом всегда. О том, что потеряла.

Вода в ванной переливалась через край, но она не слышала. Она слышала только его голос, который помнила десять лет: «Лисёнок, у тебя сегодня тяжёлый день. Держись». Кофе по утрам, который она никогда не заказывала. Его очки, которые он поправлял, когда волновался. Его взгляд, который она никогда не замечала.

- Дэн, - прошептала она. - Прости меня.

Но он не слышал. Он был далеко. Он уехал, не попрощавшись. Он оставил ей только эти письма и свою любовь, которую она так долго не замечала.

Она поднялась, выключила воду, вытерла лицо. Посмотрела на себя в зеркало. Женщина, которая смотрела на неё, была другой. Не той, которая пришла сюда утром. В её глазах было что-то новое - решимость, боль, надежда.

- Я всё исправлю, - сказала она своему отражению. Я вернусь. Я найду тебя. Я всё исправлю.

Она сжала кулон на груди, чувствуя, как металл нагревается от тепла её ладони. Вода в ванной была ещё тёплой. Она сняла одежду, залезла в воду, закрыла глаза. И стала ждать. Ждать, когда снова окажется там, где всё началось. Где она ещё может всё изменить.

Глава 4

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Алисия вышла из ванной, закутавшись в пушистый халат, который висел на крючке. Вода была тёплой, но она не чувствовала тепла. Внутри всё застыло, сжалось в тугий комок. Письма - стопка, перевязанная бежевой ленточкой - лежали на краю раковины. Она смотрела на них и не могла заставить себя убрать. Слишком тяжело было прикасаться к этим листкам, на которых Дэнис писал ей свою любовь, а она никогда не читала. Слишком больно было знать, что он уехал, а она осталась здесь, в этом доме, с этим мужчиной, который целовал её в лоб, как покойника.

Она взяла коробочку, аккуратно сложила письма обратно. Каждое - на своё место. Последнее - в самый низ. То, в котором он прощался. Она закрыла крышку, поставила коробку в ящик, задвинула. Провела пальцами по деревянной поверхности, прощаясь. Сейчас - прощаясь. Но не навсегда. Она вернётся. Она всё исправит. Она найдёт его.

Она прошла в спальню, легла на кровать. Простыни были холодными, пахли лавандой и чем-то чужим. Она смотрела в потолок, слушала, как тикают часы на стене. Каждый удар отдавался в висках. Каждый удар напоминал: время идёт. Она здесь - в будущем, которое выбрала. И скоро всё закончится. Скоро она вернётся туда, где ещё может всё изменить.

Она не заметила, как уснула. Слишком много эмоций, слишком много боли, слишком много всего. Тело просто отключилось, устав бороться.

Проснулась она от звука ключа в замке. Где-то внизу, в прихожей, щёлкнул замок, зажётся свет. Алисия открыла глаза, посмотрела на часы - половина второго. Половина второго ночи. Он вернулся.

Она лежала неподвижно, слушая его шаги. Тяжёлые, усталые. Он прошёл на кухню, поставил что-то на стол, открыл холодильник. Обычные звуки, которые она слышала сотни раз в своей жизни. Но сейчас они казались чужими. Как будто она была посторонней в этом доме. Как будто всё это - не её жизнь.

Она хотела встать. Хотела пойти к нему, обнять, сказать, что она здесь, что ждала. Но тело не слушалось. Она лежала, смотрела в потолок и слушала. И вдруг поняла: она боится. Не его. Не того, что он скажет. А того, что она скажет. Что выдаст себя. Что он поймёт, что она не та Алисия, которая живёт здесь десять лет. Что она чужая в этом доме, в этой жизни, в этом теле.

Но желание увидеть его было сильнее страха. Она тихо встала, накинула халат, выскользнула в коридор. Босиком, стараясь не шуметь, прошла к лестнице. Свет на первом этаже горел, она видела его отблеск на стенах. Спустилась на несколько ступеней, остановилась. Отсюда была видна часть кухни и столовая. Она хотела окликнуть его, но что-то заста-

вило её замереть.

Максимильян стоял у окна, спиной к ней. В руке он держал стакан с чем-то - водой, соком, она не разглядела. Он смотрел в темноту, за стекло, где ничего не было видно, и молчал. Рядом с ним, на столе, лежал телефон. Он ждал звонка. Или сообщения. Или просто смотрел на экран, думая о чём-то своём.

Алисия хотела уже спуститься, подойти, когда он заговорил. Тихо, почти шёпотом, но в ночной тишине каждое слово было слышно.

- Я принял решение, - сказал он в пустоту. - Я хочу с ней развестись.

Алисия замерла. Сердце её остановилось, потом забилось где-то в горле, огромное, тяжёлое, мешающее дышать. Она прижала лапу ко рту, чтобы не вскрикнуть. Слёзы хлынули сами собой, горячие, солёные, бесконечные. Она чувствовала, как они текут по щекам, капают на халат, на ступени, как растворяются в ткани, оставляя мокрые пятна.

- Всё было ошибкой, - продолжал Максимильян, не оборачиваясь. Он говорил тихо, ровно, как человек, который давно всё обдумал и теперь просто констатирует факт. В его голосе не было злости, не было сожаления. Была только усталость. - Я не любил её. Никогда.

Она закрыла глаза. Стена, о которую она опиралась, казалась единственной опорой. Без неё она упала бы. Упала бы и не встала. Она чувствовала, как дрожат колени, как холод-

ный пол обжигает ступни, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

Она хотела уйти. Хотела не слышать этого. Но ноги не двигались. Она была прикована к этому месту, к этому разговору, к этой боли.

- Я решил тебя отпустить, - сказал Максимильян. - Наша фирма, квартира - всё твоё. А детей... детей я заберу. На время. Ты устрой свою жизнь. Ты достойна лучшего, чем я.

Он замолчал. Алисия стояла, не дыша. Ей казалось, что если она сделает вдох, то рухнет. Рассыплется на тысячи осколков, как стекло, которое слишком долго били. Она слышала, как он дышит, как скрипит стул под его весом, как тикают часы на стене. Каждый удар отдавался в висках, каждый удар напоминал: она здесь, она слышит это, она не может убежать.

-Прости, Лисёнок, - прошептал он. - Прости, что не смог.

Она не помнила, как вернулась в спальню. Тело двигалось само, механически, без её участия. Она легла в кровать, повернулась на бок, лицом к стене. Слёзы текли ручьём, заливали подушку, она не вытирала их. Не было сил. Не было желания. Была только боль. Глубокая, тупая, бесконечная. Она чувствовала, как она растекается по телу, как заполняет каждую клеточку, как вытесняет всё остальное - мысли, чувства, надежды. Остаётся только боль. И пустота.

Она слышала, как он поднялся наверх. Его шаги - тяжёлые, медленные. Как он зашёл в спальню. Как поставил ста-

кан на тумбочку. Как развязал галстук, снял пиджак, бросил на кресло. Она слышала, как шелестит ткань, как скрипят половицы под его весом. Она лежала неподвижно, боясь шевельнуться, боясь, что он поймёт - она не спит. Что она слышала всё.

Он сел в кресло. Она чувствовала его присутствие, его взгляд. Он смотрел на неё. Долго. Так долго, что ей казалось - сейчас она не выдержит, сейчас вскочит, закричит, спросит, почему, зачем, как он мог. Но она молчала. Потому что знала ответы. И они были страшнее любого крика.

- Ты так на меня смотрела, - услышала она его шёпот. - Всегда. С института. Я знал, что ты меня любишь. Знал и делал вид, что не замечаю. Думал, если не замечу, то и чувствовать не надо будет.

Он замолчал. Она слышала, как он дышит. Как скрипнуло кресло, когда он откинулся на спинку. Как где-то далеко, на улице, проехала машина, и свет фар на секунду осветил комнату, а потом снова погас.

- Я не хотел тебя обижать, - прошептал он. - Я правда не хотел. Но я встретил её. И понял, что всё это время... всё это время я был не с тобой. Я был с тобой, но думал о ней. Я смотрел на тебя, но видел её. Я целовал тебя, но чувствовал её. Это нечестно. По отношению к тебе. По отношению к ней. По отношению к нам всем.

Она услышала, как он встал. Как подошёл к кровати. Запах его парфюма - тот самый, который она так любила - уда-

рил в ноздри. Она задержала дыхание, чтобы не задохнуться. Она чувствовала его тепло, его присутствие, его близость. И понимала, что это - в последний раз.

- Я пробовал, Лисёнок, - сказал он совсем тихо, почти неслышно. - Пробовал не любить. Пробовал забыть. Но это выше меня. И я решил тебя отпустить.

Он помолчал. Она чувствовала, что он стоит рядом. Что смотрит на неё. Что хочет коснуться, но не решается.

- Прости, - прошептал он. - Прости, что не смог стать тем, кого ты заслуживаешь.

Он вышел. Она слышала, как закрылась дверь спальни. Как он прошёл в коридор. Как зашёл в комнату детей, постоял там, наверное, смотрел на них. Как вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Она слышала каждый шаг, каждый скрип, каждый вздох. И каждый звук был как удар. Как прощание.

Она лежала, не двигаясь. Слёзы не кончались. Они текли, текли, текли, и она не могла их остановить. Всё, во что она верила, рухнуло. Все десять лет надежды, ожидания, любви - всё оказалось ошибкой. Он не любил её. Никогда. Она была для него удобной, правильной, надёжной. Но не любимой.

- Какая же я дура, - прошептала она в подушку, и голос её был чужим, сломанным. - Как я могла так слепо его любить? Как я могла не видеть?

Она вспомнила Дэниса. Его взгляд, который она никогда не замечала. Его кофе по утрам, который он ставил на её

стол, даже когда она не просила. Его записки с пожеланиями хорошего дня. Его руки, которые чинили её компьютер в пять утра, когда она удаляла важную папку. Его голос: «Лисёнок, у тебя сегодня тяжёлый день. Держись». Его любовь, которую она растоптала, даже не заметив.

Она вспомнила, как он стоял в коридоре в тот вечер, когда она разбила машину. Как смотрел на неё. Как сказал: «Позволь, я отвезу тебя». Как она отмахнулась, как сказала «я сама», ледяным тоном, которым привыкла отшивать подчинённых. Как он остался стоять, провожая её взглядом, полным боли. Как он ждал. Всегда ждал. А она не видела.

- Дэн, - прошептала она, и имя это обожгло губы. - Прости меня. Прости, что я была слепа. Прости, что не видела. Прости, что выбрала не тебя.

Она протянула руку к тумбочке, взяла телефон. Хотела набрать его номер. Хотела услышать его голос. Хотела сказать: «Я здесь, я вернулась, я всё поняла, я люблю тебя». Но телефон выскользнул из мокрых от слёз пальцев, упал на пол, и экран погас.

В тот же момент она почувствовала жжение. Кулон на её груди - простой, ничем не примечательный металл, который бабушка Тамара подарила ей много лет назад - начал нагреваться. Сначала едва заметно, потом всё сильнее, сильнее, пока не стало жечь кожу. Алисия прижала лапу к груди, но металл был горячим, обжигающим, невыносимым.

Всё вокруг начало расплываться. Стены, потолок, кро-

вать - всё поплыло, смешалось, потеряло очертания. Свет залил комнату, ослепительный, белый, как тогда, в больнице. Она закрыла глаза, чувствуя, как тело становится лёгким, как воздух наполняется чем-то густым, тягучим, как мёд. Слышала голос - старый, немного скрипучий, такой родной. «Возвращайся, Лисёнок. Возвращайся».

Алисия открыла глаза. Белый потолок. Белые стены. Запах лекарств, стерильности, чего-то чужого. Капельница, впившаяся в вену. Монитор, отслеживающий пульс. Больничная палата. Она вернулась.

Слёзы не прекращались. Они текли по щекам, капали на подушку, на больничную простыню, на её руки, которые безвольно лежали поверх одеяла. Она не вытирала их. Не было сил.

- Какая же я дура, - прошептала она в пустоту. Голос её был чужим, хриплым, сломанным. - Как я могла так слепо его любить? Как я могла не видеть?

Она лежала, глядя в белый потолок, и думала о Дэнисе. О его взгляде, который она никогда не замечала. О его кофе по утрам. О его записках. О его любви, которую она растоптала. Она думала о том, как он стоял в коридоре в тот вечер, как смотрел на неё, как сказал: «Позволь, я отвезу тебя». Как она отмахнулась. Как сказала «я сама».

- Дэн, - прошептала она, и имя это обожгло губы. - Дэн, прости меня. Я вернусь. Я всё исправлю. Я найду тебя.

Она не договорила. Телефон на тумбочке пиликнул - ко-

ротко, сухо, деловито. Она протянула руку, взяла его, посмотрела на экран. Сообщение от Максимильяна: «Лисёнок, как ты? Заеду после обеда. Выздоровливай».

-Она смотрела на эти слова и не чувствовала боли. Не чувствовала ничего. Только пустоту. Глубокую, бесконечную, как океан. Она думала, что разрыдается, когда увидит его имя. Думала, что сердце снова разобьётся на тысячи осколков. Но ничего не случилось. Она просто смотрела на экран, и в душе было тихо. Так тихо, как бывает в доме, из которого ушли все.

-Она положила телефон на тумбочку, закрыла глаза. Всё, что она знала о любви, оказалось ложью. Всё, во что она верила, рухнуло. Её жизнь, которую она строила десять лет, разбилась в одну ночь. Но странно: ей не было больно. Или боль была такой сильной, что тело отключилось, чтобы защитить себя. Она не знала. Знала только, что лежит здесь, в этой белой палате, и ничего не чувствует.

-Как будто её жизнь перестала быть интересной. Как будто она смотрела фильм, который шёл слишком долго, и теперь просто ждала, когда закончатся титры.

-Она повернула голову, посмотрела на окно. За стеклом было темно. Где-то там, в этом городе, жил Дэнис. Где-то там, в этом городе, он ждал её. Или уже не ждал. Она не знала. Она ничего не знала о нём. Только то, что он любил её. И что она была слепа.

-Я вернусь, - прошептала она в темноту. - Я найду тебя. Я

всё исправлю. Я обещаю.

Она сжала кулон на груди. Металл был холодным, чуть шероховатым, как всегда. Она носила его десять лет, не снимая. И только сейчас поняла, зачем бабушка Тамара подарила ей его. Не для того, чтобы вернуться в прошлое. А для того, чтобы увидеть правду. Чтобы понять, что она всю жизнь смотрела не туда. Чтобы, когда придёт время, она смогла сделать правильный выбор.

Она закрыла глаза и стала ждать. Ждать, когда снова окажется там, где всё начиналось. Где она ещё может всё изменить. Где она ещё может найти его. Где она может сказать ему то, что должна была сказать десять, и попробовать влюбить его в себя .

Слёзы высохли. Боль утихла. Осталась только тишина. И в этой тишине она слышала только одно: своё сердце. Оно билось ровно, спокойно....

Глава 5

СОПЕРНИЧЕСТВО

Алисия не помнила, как уснула. Помнила только белый потолок, белые стены, запах лекарств и тишину. Такую глубокую, что в ней утонули все мысли, все чувства, вся боль. Она провалилась в неё, как в тёплую воду, и поплыла куда-то далеко, где не было ни Максимильяна, ни его слов, ни будущего, в котором её жизнь разбилась на осколки. Там, в этой темноте, было спокойно. И только кулон на груди чуть заметно пульсировал в такт сердцу - тихо, ровно, как напоминание: она ещё здесь, она ещё может всё изменить.

Утро ворвалось звонком. Резким, настойчивым, не терпящим возражений. Алисия вздрогнула, открыла глаза, не понимая, где находится. Белый потолок, белые стены, капельница - всё на месте. Больничная палата. Она вернулась. И телефон на тумбочке вибрировал, подпрыгивал на деревянной поверхности, настойчиво требуя ответа.

Она протянула руку, взяла трубку, посмотрела на экран. Сердце её замерло. Оно замерло - предательски, глупо, как замирало все эти десять лет, когда на экране высвечивалось его имя. Она ненавидела себя за это. Только что она была там, слышала каждое его слово, знала, что он никогда её не любил, что она была для него ошибкой, которую он наконец решил исправить. Но сердце не слушалось разума. Оно жило

своей жизнью, той, которую прожило десять лет в надежде, что однажды он назовёт её не «Лисёнком», а «любимой».

Она нажала кнопку ответа, поднесла телефон к уху.

- Алло? - голос её был хриплым, сонным, чужим.

- Лисёнок! - его голос. Тот самый, от которого у неё всегда слабели колени. Тёплый, чуть насмешливый, такой родной.

- Проснулась? Как ты? Врачи не замучили?

- Нормально, - она села на кровати, поправила волосы, хотя он не видел. Глупая привычка. - Врачи говорят, скоро выпишут. Только запретили шоколад и солёное. И бегать по коридорам.

- Не повезло, - он усмехнулся. - Я как раз хотел предложить устроить забег с медсёстрами.

- В следующий раз, - она улыбнулась, и в голосе её появились привычные нотки. Те самые, с которыми она разговаривала с ним десять лет. - Ты же знаешь, я люблю побеждать.

- Это я помню, - он помолчал, и в этой паузе она услышала, как он идёт по улице, слышала шум машин, голоса прохожих. Он был где-то там, в городе. - Я заеду через пару часов. Что хочешь? Может, твой любимый круассан?

Она закрыла глаза. Тот самый круассан. С малиной. Она любила их с института, когда они, голодные студенты, забежали в дешёвую пекарню между парами и она всегда брала один и тот же - слоёный, с малиновой начинкой, присыпанный сахарной пудрой. Он помнил. Он помнил, какой круассан

она любит. Но не помнил, что она говорила ему вчера вечером на корпоративе. Не помнил, что она чуть не призналась ему в любви. Не помнил, что она разбила машину, потому что он уезжает. Он помнил только круассан.

- Можно, - сказала она, и голос её был ровным, спокойным. - С малиной. И чтобы сахарная пудра была, а не глазурь.

- Ты всё та же привереда, - он рассмеялся. - Хорошо, Лисёнок. С малиной, с пудрой, без глазури. Жди. Я скоро.

Он отключился. Алисия опустила телефон, посмотрела на экран. Разговор длился меньше минуты. Он спросил про круассан. Он не спросил, как она себя чувствует. Не спросил, что случилось в тот вечер. Не спросил, почему она выехала на встречную. Он спросил про круассан.

Она откинулась на подушку, закрыла глаза. В голове крутились обрывки того разговора, который она слышала ночью. Его голос. Его слова. Они врезались в память, как острые осколки, и каждый раз, когда она думала о них, было больно. Но теперь эта боль была другой. Не острой, как раньше, а тупой, ноющей, фоновой. Как будто она смотрела на неё со стороны.

Она вспомнила, как стояла на лестнице, прижав лапу ко рту, как слёзы текли по щекам, как он говорил: «Я не любил её. Никогда». Она вспомнила, как он сел в кресло, как смотрел на неё, думая, что она спит, как шептал: «Ты так на меня смотрела. Всегда». Она вспомнила, как он сказал, что встретил ту, кого полюбил. По-настоящему.

Странно, но сейчас, утром, после бессонной ночи, после слёз, которые высохли, оставив только пустоту, эти слова не вызывали той острой боли, которую она ожидала. Они были как старая рана, которая давно зажила, но иногда ещё ноет к погоде. Она знала, что эта боль когда-нибудь пройдёт. Может быть, не сегодня. Может быть, не завтра. Но пройдёт. Потому что она видела будущее. И в этом будущем не было её счастья. Не было его любви. Не было ничего, кроме пустоты.

Она открыла глаза, посмотрела на окно. За стеклом было пасмурно, но где-то там, за тучами, всё равно светило солнце. Она чувствовала его тепло, даже не видя. И вдруг подумала о Дэне. О том, как он стоял в коридоре в тот вечер. Как смотрел на неё. Как сказал: «Позволь, я отвезу тебя». Как она отмахнулась. Как сказала «я сама». Как он остался стоять, провожая её взглядом.

Она вспомнила письма. Те, что нашла в коробке. Те, что не открывала десять лет. Те, в которых он писал ей о своей любви. Она вспомнила последнее: «Я уезжаю. Не ищи меня. Прощай». И сердце её сжалось. Но не от боли. От чего-то другого. От того, что она только сейчас начала понимать.

- Дэн, - прошептала она, и имя это уже не обжигало губы, как ночью. Оно согревало. Как тёплый плед. Как чашка кофе с корицей. Как его улыбка, которую она никогда не замечала.

Она сжала кулон на груди. Металл был холодным, но она знала - он нагреется. Когда придёт время. Когда она будет готова. Когда сделает правильный выбор.

Он вошёл в палату через два часа. Алисия уже успела умыться, причесаться, надеть чистую больничную рубашку, которую оставила медсестра. Она сидела на кровати, смотрела в окно, когда дверь открылась. И сердце её снова замерло. Но теперь - по другой причине.

Максимильян стоял на пороге, в своём идеальном костюме, с идеальной улыбкой, с пакетом в руках. Он был красив. Таким она помнила его всегда. Таким она любила его все эти годы. И сейчас, глядя на него, она понимала, что эта любовь никуда не исчезла. Она просто стала другой. Не острой, не жгучей, не ослепляющей. А тихой, спокойной, как воспоминание о чём-то, что было очень важно, но уже прошло.

-Лисёнок!- он улыбнулся, вошёл, поставил пакет на тумбочку. - Как ты? Выглядишь... как человек, которого переехал поезд, но он всё равно встал и пошёл.

-Спасибо за комплимент, - она усмехнулась. - Прямо в самое сердце.

- Я умею, - он сел на стул рядом, взял её за лапу. Его лапа была тёплой, сухой, уверенной. Она помнила это тепло. И вдруг поняла, что оно не греет. - Когда мне позвонили... я думал, всё серьёзно.

-Всё обошлось, - она мягко высвободила лапу, потянулась к пакету. - Круассан принёс?

- Принёс, - он достал бумажный кулёк, протянул ей. - Твой любимый. С малиной. И с пудрой, как ты просила. Без глазури. Я специально уточнил у продавщицы, чтобы не пере-

путала.

- Ты уточнил? - она подняла бровь. - Ты, который не помнит, где лежат ключи от офиса?

- Ключи - это другое, - он отмахнулся. - А круассан - это святое. Лисёнок без круассана - это не Лисёнок.

Она взяла круассан, откусила кусочек. Слоёное тесто, сладкая начинка, сахарная пудра на пальцах. Вкус детства, вкус института, вкус тех лет, когда всё было просто. Она улыбнулась, хотя внутри было пусто.

- Спасибо, - сказала она. - Ты, как всегда, знаешь, что мне нужно.

- Я стараюсь, - он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то от того Максимилиана, которого она знала десять лет. Легкого, уверенного, привыкшего быть в центре внимания. - Ты же моя любимая Лисёнка.

Она не ответила. Просто смотрела на него и думала: «Ты даже не знаешь, какую ложь сейчас говоришь. Ты не любишь меня. Ты никогда меня не любил. Но ты так привык говорить эти слова, что сам в них веришь».

В этот момент дверь открылась снова. Алисия подняла глаза - и сердце её пропустило удар. На этот раз совсем не такой, как минуту назад.

Дэнис стоял на пороге. В свитере, с ноутбуком под мышкой, с пакетом в руке. Очки, как всегда, чуть сползли на нос. Он смотрел на неё, и в его глазах было столько всего, что она не могла разобрать. Тревога, облегчение, радость, боль - всё

смешалось в один тугой комок.

- Лисёнок, - сказал он, и голос его дрогнул. - Ты как?

Она смотрела на него и не могла ответить. В голове крутились обрывки писем, его голос из будущего, его слова, которые она никогда не слышала, но знала наизусть: «Я люблю тебя. С первого дня. И буду любить всегда». Она смотрела на него и видела не Дэна - своего друга, своего «запасного варианта», человека, который всегда был рядом. Она видела того, кто любил её десять лет, пока она смотрела на другого. Того, кто уехал, потому что она выбрала не его. Того, кого она потеряла, даже не узнав.

- Жива, - наконец выдавила она, и голос её был чужим. - Ты чего пришёл? У тебя же работа.

- Я отпросился, - он вошёл, поставил пакет на тумбочку рядом с пакетом Максимильяна. - Сказал, что у меня Лисёнок в больнице, и меня отпустили. Даже начальник сказал: «Беги, Дэн, беги. А то твоя Лисёнка без тебя пропадёт».

- Твой начальник знает, кто я? - удивилась Алисия.

- Все знают, кто ты, - Дэнис усмехнулся, доставая из пакета яркие, пахнущие солнцем апельсины. - Я про тебя всем рассказываю. Особенно когда нужно отпроситься с работы. «Моя Лисёнка заболела», «Моей Лисёнке нужна помощь», «Моя Лисёнка...» - он запнулся, поняв, что сказал лишнего. Поправил очки, покраснел. - В общем, работа подождёт. А ты - нет.

Он начал чистить апельсины. Аккуратно, сосредоточенно,

снимая кожуру тонкими полосками. Она любила апельсины. Очень. Но терпеть не могла их чистить. И он знал. Всегда знал.

Максимильян смотрел на брата, и в его взгляде было что-то, чего Алисия не могла прочитать. Удивление? Досаду? Раздражение?

- Дэн, ты чего? - спросил он. - Я же сказал, что заеду. Мог бы и на работу идти.

- Я хотел сам, - Дэнис не поднял головы, продолжая чистить апельсин. - Убедиться, что всё в порядке.

- Всё в порядке, - Максимильян откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. - Я же здесь.

- Я вижу, - Дэнис положил очищенный апельсин на салфетку, протянул Алисии. - На, Лисёнок. Ешь. Витамины нужны. А то будешь, как брат, - питаться одними круассанами.

- Между прочим, круассаны -это тоже витамины, - парировал Максимильян. - Витамин счастья.

- От которого толстеют, - Дэнис взял второй апельсин.

-Ты на что намекаешь? - Максимильян прищурился.

- Ни на что, - Дэнис невозмутимо снимал кожуру. - Просто констатирую факт. У тебя вон, пуговица на пиджаке натягивается.

Максимильян машинально посмотрел на пуговицу, потом понял, что его разыгрывают, и фыркнул.

- Остроумно. Особенно от человека, который носит сви-

тера на два размера больше, чтобы скрыть отсутствие спортивной формы.

- Это свободный крой, - Дэнис поправил очки. - Модный.

- Это мешок, - отрезал Максимилиан. - Ты выглядишь как студент, который пришёл на экзамен и забыл, что он профессор.

- Зато я умный, - Дэнис усмехнулся. - А ты - красивый. Мы идеально дополняем друг друга.

- Вы дополняете друг друга? - Алисия не выдержала, рассмееялась. - Вы сейчас поссоритесь из-за моих апельсинов и круассанов?

- Это не ссора, - сказали оба хором, потом посмотрели друг на друга и замолчали.

Алисия смотрела на них и не верила своим глазам. Два взрослых мужчины, успешных, умных, серьёзных - и они сидят в больничной палате и спорят, кто лучше чистит апельсины и чья одежда моднее. Ей хотелось рассмеяться. Или заплакать. Она не знала.

Максимилиан взял с тумбочки второй апельсин, начал чистить. Неаккуратно, торопливо, сдирая кожуру крупными кусками.

- Я тоже умею, - сказал он, и в голосе его прозвучало что-то мальчишеское, почти детское.

- Я не сомневаюсь, - Дэнис взял третий апельсин, принялся чистить его с той же аккуратной неторопливостью. - Просто я чищу лучше.

- Быстрее, - поправил Максимильтян.

- Чище, - парировал Дэнис.

- Вы оба хороши, - Алисия откусила от апельсина, который ей дал Дэн. - А теперь прекратите. А то сейчас медсестру позову.

- Медсестру? - Максимильтян поднял бровь. - Зачем?

- Чтобы она вас выставила, - Алисия улыбнулась. - У меня, между прочим, режим. Покой. Тишина. А вы тут устроили соревнование по апельсиночистке.

- Это не соревнование, - сказал Дэнис, кладя второй очищенный апельсин на салфетку. - Это забота о твоём здоровье.

- Угу, - Максимильтян отложил свой - неровный, ободранный, с остатками белой кожуры. - Забота. Он пришёл, чтобы показать, какой он хороший.

- А ты пришёл, чтобы показаться, - Дэнис посмотрел на брата. В его взгляде было что-то, чего Алисия раньше не замечала. Или не хотела замечать.

- Я пришёл проведать Лисёнка, - Максимильтян скрестил руки на груди. - В отличие от некоторых, у меня есть работа, и я нашёл время.

- Я тоже нашёл время, - Дэнис взял четвёртый апельсин, начал чистить. - Просто я не считаю, что прийти на полчаса, бросить круассан и убежать - это проведать.

- Я не убегаю, - Максимильтян повисил голос.

- Ты всегда убегаешь, - Дэнис ответил тихо, но в его голо-

се было столько уверенности, что Максимильян замолчал. - Ты приходишь, когда удобно. Приносишь круассан. Улыбаешься. И уходишь. А она остаётся. Ждёт. Смотрит на дверь. Думает, что ты вернёшься. А ты не возвращаешься.

- Дэн, - Алисия попыталась остановить его, но он не слушал.

- Я вижу это каждый день, - продолжал Дэнис, не поднимая головы. - Как она ждёт твоего звонка. Как улыбается, когда ты проходишь мимо. Как расстраивается, когда ты не замечаешь. А ты не замечаешь. Ты смотришь сквозь неё. Как сквозь стекло. Она для тебя - удобство. Надёжный тыл. Человек, который всегда рядом. Но ты не видишь её. Не слышишь. Не чувствуешь.

- Дэн, хватит, - Алисия встала, чувствуя, как нарастает напряжение. - Не надо.

- Почему не надо? - Дэнис поднял голову, посмотрел на неё. В его глазах была боль. Такая глубокая, что у неё перехватило дыхание. - Почему никто никогда не говорит правду? Почему все делают вид, что всё хорошо? Что он тебя любит? Что он когда-нибудь заметит? Что ты не тратишь свою жизнь на того, кто никогда не будет с тобой?

- Дэн! - голос Алисии сорвался.

- Я всё сказал, - Дэнис встал, отложил нож. - Я пойду. Мне нужно на работу.

Он вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Алисия стояла, не зная, что делать. Максимильян сидел на стуле, глядя

в одну точку.

- Он... - начал он, но не закончил.

- Мне нужно выйти, - сказала Алисия и вышла в коридор.

Она увидела Дэниса у окна. Он стоял, прислонившись к подоконнику, и смотрел на улицу. Очки сползли на нос, он не поправлял их.

- Дэн, - позвала она тихо.

Он обернулся. В его глазах всё ещё была боль, но добавилось что-то ещё. Стыд. И страх.

- Прости, - сказал он. - Я не должен был. Я перешёл границы.

- Ты не перешёл, - она подошла ближе. - Ты сказал правду.

- Правда иногда бывает жестокой, - он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. - Я не хотел тебя расстраивать. Просто... когда я увидел его с этим круассаном... таким довольным, таким уверенным, что он сделал что-то важное... а ты смотрела на него... как всегда... я не выдержал.

- Дэн, - она взяла его за лапу. - Спасибо тебе. За апельсины. За то, что ты всегда рядом. За то, что... что ты есть.

Он смотрел на неё, и в его глазах появилась надежда. Такая робкая, такая хрупкая, что у Алисии сжалось сердце.

- Лисёнок, - он поправил очки. - Я...

Она ждала. Знала, что он скажет. Знала эти слова, которые он писал в письмах, которые носил в себе десять лет. Она ждала и хотела услышать их. Хотела, чтобы он наконец сказал.

- Я... - он начал, но не закончил.

В этот момент дверь палаты открылась, и на пороге появился Максимильтян. Он посмотрел на брата, потом на Алисию, на их сомкнутые лапы.

- Вы чего? - спросил он. - Секретничаете?

Алисия отпустила руку Дэниса. Сделала шаг назад.

- Ничего, - сказала она. - Просто разговаривали.

- Ага, - Максимильтян перевёл взгляд с неё на брата. - Вижу.

Дэнис поправил очки, взял себя в лапы.

- Я пойду, - сказал он. - У меня работа.

- Ты же сказал, что отпросился, - заметил Максимильтян.

- Передумал, - Дэнис посмотрел на брата. - У тебя есть дела поважнее, чем сидеть в больнице.

- Дэн, - Алисия хотела остановить его, но он уже шёл к лифту.

Она смотрела ему вслед, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое и горькое одновременно. Она хотела догнать его, сказать что-то важное, но не могла. Слова застревали в горле.

- Лисёнок, - голос Максимильтяна вернул её в реальность.

- Ты чего?

- Ничего, - она улыбнулась. - Пойдём в палату. А то медсестра ругаться будет.

Она уже повернулась, чтобы идти, когда услышала за спиной шум лифта. Обернулась - Дэнис стоял у открытых две-

рей, смотрел на неё. В его глазах было столько всего, что она не могла разобрать. Боль, надежда, любовь, прощание.

- Лисёнок, - сказал он тихо. - Я... я люблю тебя. Всегда любил. И буду любить. Что бы ни случилось. А он тебя не любит!

Двери закрылись. Он уехал.

Алисия стояла в коридоре, прижав лапу ко рту, и слёзы текли по щекам. Она слышала каждое слово. И каждое слово отзывалось в её сердце. Она знала, что Дэнис прав. Знала, что Максимильтян никогда её не любил. Знала, что он уедет. Знала, что её ждёт будущее, в котором она будет одна. И вдруг она поняла: она больше не хочет этого будущего. Она не хочет ждать. Не хочет надеяться. Не хочет быть удобной, надёжной, вечно ждущей. Она хочет быть любимой. По-настоящему.

Она уже хотела войти в палату, сказать ему всё, что накопилось, когда почувствовала тепло. Кулон на её груди начал нагреваться. Сначала едва заметно, потом всё сильнее, сильнее, пока не стало жечь кожу. Она прижала лапу к груди, но металл был горячим, обжигающим, невыносимым.

Всё вокруг начало расплываться. Стены, пол, двери - всё поплыло, смешалось, потеряло очертания. Свет залил коридор, ослепительный, белый, как тогда. Она закрыла глаза, чувствуя, как тело становится лёгким, как воздух наполняется чем-то густым, тягучим, как мёд. Она слышала голоса - Дэниса, Максимильтяна, медсестры - но они становились всё

тише, всё дальше, пока не растворились совсем.

Алисия открыла глаза.

Свет был другим. Не больничным - белым, стерильным, пахнущим лекарствами. А живым, солнечным, тёплым. Он лился из высоких окон, падал на старые деревянные парты, на потрескавшуюся доску, на лица студентов, которые сидели вокруг и сонно хлопали глазами.

Она сидела в университетской аудитории.

На первом курсе.

Сердце её забилось где-то в горле. Она опустила глаза - на столе лежал её старый блокнот, тот самый, в клеточку, с потрёпанными уголками. Ручка - синяя, с колпачком, который вечно терялся. Рядом - телефон. Она взяла его, посмотрела на экран.

Дата. Первая лекция по маркетингу. Сентябрь, десять лет назад.

Глава 6

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Алисия открыла глаза.

Свет был другим. Не больничным - белым, стерильным, пахнущим лекарствами. А живым, солнечным, тёплым. Он лился из высоких окон, падал на старые деревянные парты, на потрескавшуюся доску, на лица студентов, которые сидели вокруг и сонно хлопали глазами.

Она сидела в университетской аудитории.

На первом курсе.

Сердце её забило где-то в горле. Она опустила глаза - на столе лежал её старый блокнот, тот самый, в клеточку, с потрёпанными уголками. Ручка - синяя, с колпачком, который вечно терялся. Рядом - телефон. Она взяла его, посмотрела на экран.

Дата. Первая лекция по маркетингу. Сентябрь, десять лет назад.

Она перевела взгляд на соседний стул. Там сидела Белла. Живая. Рыжие волосы растрёпаны, на щеке - свежий прыщик, который она пыталась замазать тональным кремом. Она жевала жвачку и смотрела в телефон.

- Белла, - прошептала Алисия, и голос её дрогнул.

Белла подняла голову, улыбнулась.

- Чего, Лисёнок? Выглядишь так, будто призрака увидела.

- Ты... ты здесь, - Алисия смотрела на неё, не веря своим глазам. Белла была здесь. Целая. Не в больнице, не в коме, не за границей. Здесь, рядом, жуёт жвачку и смотрит на неё как на ненормальную.

- Я всегда здесь, - Белла нахмурилась. - Ты чего? Недоспала? Вчера опять до ночи учила?

- Недоспала, - Алисия выдохнула, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Она хотела обнять подругу, прижаться, сказать, как сильно скучала. Но нельзя. Она не могла объяснить, почему. Не могла рассказать про будущее, про аварию, про кому, про то, как Белла уехала и больше никогда не вернулась.

- Приснился кошмар, - сказала она вместо этого.

- Опять этот Максимильтян? - Белла усмехнулась, откусывая кусочек жвачки. - Лисёнок, ты его даже не знаешь. Он просто парень с соседнего потока. Не надо из него кумира делать.

Алисия хотела ответить, но в этот момент дверь аудитории открылась, и вошли они.

Максимильтян - первый. Он был в чёрной куртке, с рюкзаком на одном плече, и выглядел так, будто вышел с обложки глянцевого журнала. Его белая шерсть блестела в свете ламп, глаза смотрели уверенно, с лёгкой насмешкой. Он обвёл взглядом аудиторию, ища свободное место. Девушки на первых рядах зашептались, кто-то поправил волосы, кто-то расправил плечи. Максимильтян этого не замечал. Он привык

к вниманию. Оно было для него таким же естественным, как воздух.

За ним - Дэнис. В сером свитере, с ноутбуком под мышкой, с очками, которые вечно сползали. Он шёл чуть позади, не привлекая внимания. Смотрел в пол. Кто-то из студентов кивнул ему, он кивнул в ответ, но не улыбнулся. Он вообще редко улыбался.

Алисия замерла. Сердце её колотилось. Она знала, что должно произойти. Знала каждое слово, каждый жест.

Максимильян заметил её. Или не её - свободное место рядом. Два свободных места - одно рядом с Алисией, второе рядом с Беллой. Он выбрал то, что ближе. Улыбнулся той самой улыбкой, от которой у неё когда-то подкашивались колени.

- Свободно? - спросил он, кивая на стул.

- Да, - сказала Алисия, и голос её был ровным, хотя внутри всё дрожало.

Он сел. Положил рюкзак на пол, достал ноутбук, открыл. Дэнис прошёл мимо, сел на задний ряд. Далеко. Один.

Белла наклонилась к Алисии, шепнула на ухо:

- Лисёнок, он красивый. Я понимаю, почему ты сохнешь.

- Я не сохну, - ответила Алисия, но голос прозвучал неуверенно.

- Сохнешь, - Белла усмехнулась. - Ты на него смотришь так, будто он - последняя конфета в коробке.

Алисия хотела возразить, но в этот момент Максимильян

повернулся к ней. Улыбнулся.

- Ты тоже считаешь, что это всё чушь? - спросил он, кивая на доску, где преподаватель уже начал писать тему лекции.
- Маркетинг. Как будто мы не знаем, что это просто про то, как впаривать людям то, что им не нужно.

- Это про то, как понимать людей, - ответила Алисия. - Что им нужно на самом деле. Даже если они сами этого не знают.

Максимильян удивился. Он не ожидал такого ответа.

- Философ? - спросил он.

- Просто наблюдательная, - она пожала плечами.

- Давай вместе что-то придумаем? - он кивнул на её конспект. - У тебя почерк красивый. А я идеи генерирую. Идеальная команда.

Алисия смотрела на него. Те же слова. Та же улыбка. Она ждала этого момента десять лет, переживала его в своих воспоминаниях сотни раз. И теперь, когда он снова прозвучал, она не почувствовала ничего. Ни трепета, ни волнения, ни счастья. Только лёгкое разочарование.

- Давай, - ответила она, но в голосе не было прежнего восторга.

Максимильян не заметил. Он уже уткнулся в ноутбук, что-то печатая. Белла снова наклонилась:

- Он тебя заметил, Лисёнок. Я же говорила.

- Заметил, - Алисия не отвела глаз. Но смотрела она не на Максимильяна. Она смотрела на задний ряд.

Дэнис сидел у окна, положив ноутбук на колени. Очки сползли на нос, он поправил их - этот жест она знала десять лет, но никогда не замечала. Он смотрел на неё. Не на Беллу, не на Максимильяна, не на преподавателя. На неё. В его взгляде не было той самоуверенности, что у брата. Не было лёгкости, с которой Максимильян завоевывал сердца. Было что-то другое. Глубокое. Терпеливое. Ждущее.

Она отвела взгляд, почувствовав, как щёки заливают румянец.

«Странно, - подумала она. + Почему я никогда этого не замечала?»

Белла проследила за её взглядом.

- Это брат его? - спросила она. - Тот, который всегда с ним?

- Да, - Алисия кивнула. - Дэнис.

- Он симпатичный, - заметила Белла. - В очках. Тихий такой. Почему ты на него не смотришь?

- Потому что я смотрю на Максимильяна, - ответила Алисия, и эти слова прозвучали как-то неуверенно даже для неё самой.

- Может, зря? - Белла пожалала плечами. - Этот хотя бы на тебя смотрит. А твой красавчик - только на себя.

Алисия не ответила. Она смотрела на доску, но не видела ни формул, ни схем. Она видела только его - Дэна, который сидел на заднем ряду и поправлял очки.

Лекция тянулась бесконечно. Алисия не слушала препода-

давателя - она слушала себя. Свои чувства, которые менялись прямо на глазах. Она сидела рядом с Максимильяном, тем, кого любила десять лет, и не чувствовала ничего. Ни трепета, ни волнения, ни счастья. Только лёгкое раздражение от того, что он постоянно отвлекается на телефон.

- Ты чего такая задумчивая? -спросил он, заметив её взгляд.

-Думаю, -ответила она.

- О чём?

- О том, что иногда мы смотрим не туда, куда нужно.

Он не понял. Улыбнулся, пожал плечами и снова уткнулся в ноутбук.

Белла, сидевшая с другой стороны, перегнулась через неё:

- Лисёнок, ты странная сегодня. Обычно ты на него смотришь как на картину в музее. А сейчас... ты на него вообще не смотришь.

-Смотрю, - Алисия покачала головой. - Просто замечаю кое-что новое.

- Что?

- Что он не такой, каким я его себе представляла.

Белла хотела спросить ещё, но в этот момент преподаватель объявил перерыв. Студенты зашумели, задвигали стульями, заговорили. Максимильян встал, потянулся, бросил взгляд на телефон.

- Пойду, кофе куплю, -сказал он. - Тебе принести?

-Нет, спасибо, - ответила Алисия.

Он ушёл. Быстро, не оглядываясь. Белла посмотрела ему вслед, потом на Алисию.

- Ты точно больна. Отказываться от кофе? Кто ты и что сделала с моей подругой?

- Я просто... - Алисия не договорила. Она увидела, как Дэнис встал с заднего ряда, поправил очки и направился к выходу. В руке он держал две чашки кофе. Одну - себе. Вторую...

Она встала.

- Белла, я сейчас.

Она пошла за ним. В коридор, к автомату с кофе, где Дэнис уже стоял и ждал, пока нальётся напиток. Автомат был старый, шумный, плевался паром, но Дэнис терпеливо ждал, чуть склонив голову набок, как будто прислушивался к чему-то важному.

Она подошла, остановилась рядом.

- Дэн, - сказала она.

Он обернулся. Очки сползли на нос, он поправил их.

- Алисия? - переспросил он, и в голосе его прозвучало удивление. - Мы же вроде не знакомы.

- Знакомы, - она улыбнулась. - Я Алисия. Друг твоего брата. Мы ещё познакомимся. Но я хотела спросить...

- Что? - он смотрел на не смущённо, чуть настороженно. Ей показалось, что он даже дышать перестал.

- Та кофе - ты кому? - она кивнула на вторую чашку.

Он покраснел. Поправил очки - раз, другой, третий. Она

знала этот жест. Всегда, когда он волнуется.

- Это... это мне, - сказал он. - Я люблю пить два кофе подряд.

- Врёшь, - сказала она, глядя ему прямо в глаза. - Ты брату берёшь. Но он уже купил себе. Он всегда покупает себе сам. Ему никто не нужен.

Дэнис смотрел на неё, не понимая. Она говорила так, будто знала его сто лет. Или больше. Или всю жизнь.

- Откуда ты... - начал он.

- Я просто догадливая, - она взяла вторую чашку из его рук. Можно я выпью? Я люблю кофе с корицей.

- Там с корицей, - сказал он удивлённо. - Как ты...

- Догадалась, - она улыбнулась и сделала глоток. Кофе был горячим, ароматным, с той самой корицей, которую она любила. Он помнил. Уже тогда помнил, хотя они даже не были знакомы.

Они стояли в коридоре, пили кофе, и Алисия смотрела на него - на его смущённое лицо, на очки, которые вечно сползали, на руки, которые дрожали, когда он поправлял их. Она смотрела и думала: «Как я могла быть такой слепой?»

- Лисёнок? - голос Беллы раздался за спиной. - Ты чего здесь? Мы опаздываем на лекцию.

- Иду, - Алисия допила кофе, вернула чашку Дэну. Их пальцы на секунду соприкоснулись. Он вздрогнул. Она заметила.

- Спасибо ещё раз, - сказала она.

- Не за что, - ответил он, и голос его дрогнул.

Она пошла к аудитории, но на полпути обернулась. Дэнис стоял у автомата, смотрел на неё. В его глазах было удивление, надежда и страх. Она знала этот взгляд. Она видела его в будущем, в письмах, в коридоре, в тот вечер, когда он сказал: «Позволь, я отвезу тебя».

Она улыбнулась ему. Он не улыбнулся в ответ - он просто смотрел. И этого было достаточно.

Вторая половина лекции пролетела незаметно. Алисия сидела, смотрела на Максимилиана, который всё так же уткнулся в ноутбук, и не чувствовала ничего. Только пустоту. Он был красив, умён, обаятелен. Но она видела его насквозь - его эгоизм, его невнимательность, его привычку смотреть только на себя.

Она вспомнила, как много лет спустя он будет сидеть в их офисе и говорить, что уезжает в Лондон. Как он будет смотреть на неё, думая, что она спит. Как он скажет: «Я не любил её. Никогда».

Она сжала кулон на груди. Металл был холодным. Но она знала - он нагреется. Когда придёт время.

- Лисёнок, - Белла толкнула её локтем. - Ты опять зависла.

- Думаю, - ответила Алисия.

- О чём?

- О том, что иногда мы тратим годы на то, что не имеет значения. И не замечаем того, что имеет.

Белла посмотрела на неё странно.

- Ты сегодня философ. Это из-за Максимильяна?

- Нет, - Алисия покачала головой. Это из-за того, что я наконец начала видеть.

Она обернулась. Дэнис сидел на заднем ряду, писал что-то в ноутбуке. Он не смотрел на неё. Но она знала, стоило ей поднять руку, позвать, и он будет рядом. Всегда.

Она отвернулась и закрыла глаза. Когда она откроет их снова, она будет в больнице. И всё начнётся заново. Но сейчас — сейчас она хотела запомнить этот момент. Первый раз, когда она посмотрела на Дэна. По-настоящему посмотрела. И увидела.

- Лисёнок, - Белла снова толкнула её. - Ты чего улыбаешься?

- Ничего, - Алисия открыла глаза. - Просто хорошо.

- Хорошо? - Белла не понимала. - Ты первый день в университете, мы ничего не знаем, лекция скучная, а тебе хорошо?

- Хорошо, - повторила Алисия. - Потому что всё только начинается.

Белла пожала плечами, откинулась на спинку стула. Алисия смотрела на доску, но не видела ни формул, ни схем. Она видела только его - Дэна, который сидел на заднем ряду и поправлял очки.

Глава 7

МОРОЖЕНОЕ И ЛЁД

Лекция закончилась. Студенты зашумели, засобирались, кто-то уже доставал телефон, кто-то договаривался о встрече. Алисия медленно сложила тетради, чувствуя, как внутри всё ещё бушуют эмоции. Она только что пережила первое возвращение. Она видела Дэна. Она выпила с ним кофе. Она поняла, что всё это время смотрела не туда.

Но сердце её всё ещё билось быстрее, когда рядом был Максимильян.

- Лисёнок, - Белла хлопнула её по плечу, вырывая из раздумий. - Ты чего зависла? Идём, нам надо в магазин заехать.

- Зачем? - Алисия подняла голову.

- Мне нужен новый ноутбук, - Белла вздохнула. - Старый совсем сдох. А ты у нас шарить в этой технике больше, чем я. Или не шарить?

- Шарю, - Алисия улыбнулась. - Дэн в этом разбирается лучше, но я тоже кое-что понимаю.

- Дэн? - Белла подняла бровь. - Это который брат Максимильяна? Тот, который на заднем ряду сидел?

- Да, - Алисия почувствовала, как щёки заливают румянец. - Он в компьютерах разбирается. Очень.

- Ну так позови его, - Белла пожала плечами. - Пусть поможет. Чем больше народу, тем веселее.

-Он, наверное, занят, - Алисия замялась. Она не знала, как подойти к Дэну. Не сейчас, когда в голове всё перемешалось, когда она только начала понимать, что он для неё значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.